

Безумно очарователна

сериј Баба Џеј - 0,5

Дебора Блейк

Барбаре Ягер нравится быть ведьмой, одной из самых могущественных в мире. Хотя иногда и она не прочь расслабиться, потягивая пиво в своем зачарованном Эйрстриме, вместо того, чтобы помогать всем, кто просил ее об этом. Но когда приходит человек с символом семейного долга чести, Барбара должна бросить все, чтобы выполнить данное ее предшественницей обещание. И, пожалуй, она приложит все усилия (и даже сверх того), чтобы убедиться, что долг выплачен в полном объеме...

Дебора Блэйк

Безумно очаровательна

Серия: Баба Яга — 0.5

Переводчики-редакторы: Наталья Ульянова, Алёна Гак

Бета-редакторы: Алёна Гак, Алтынай Бекова (1–3 ч)

Бета-корректор: Людмила Давыдова

Обложка: Любава Воронова

Благодарим за дельные советы Александра Бородина,
Юлию Клан и Анастасию Гилёву.

Давным-давно на Руси и в соседних странах рассказывали легенды о колдунье по имени Баба Яга. Некоторые истории изображали ее уродливой каргой, что жила в бревенчатой избушке, передвигающейся по лесу на курьих ножках. Другие называли ее богиней стихий, хранительницей природы и прохода в мистическое Иноземье.

Как и во всех сказаниях, что-то в них было правдой, что-то... не совсем. Каждая Баба Яга была сильной колдуньей — это верно. Но никогда не существовало какой-то одной Яги, и не были эти волшебницы ни добрыми, ни злыми. Просто очень, очень могущественными. И со всей ответственностью выполняли они свою работу, независимо от того, кто вставал на их пути.

В наши дни в Соединенных Штатах проживают три Бабы Яги: Барбара, Бека и Белла. Каждая из них сильна в магии, красива и очаровательна, и у каждой есть собственная история — ведь о таких женщинах и их деяниях слагают легенды...

* * *

Барбара Ягер плавно притормозила свой классический байк БМВ перед серебристым трейлером Эйрстрим (марка жилых трейлеров, производимая одноименной американской компанией — прим. пер.), в котором жила всегда, когда путешествовала. Сейчас прицеп был

припаркован на территории Университета Северного Иллинойса, где она читала серию лекций по обработке диких трав. «Путешествующий ботаник» и «профессор колледжа» были отличным прикрытием для другого рода ее деятельности, которая была не совсем традиционной. Скажем ... совсем нетрадиционной.

Перекинув стройную ногу через седло байка, она мельком заметила любопытное отражение на гладкой синей поверхности. Отражение было невозможным, учитывая угол разворота, но, как и все, связанное с Барбарой Ягер, мотоцикл был не совсем тем, чем казался на первый взгляд.

— Хм, — буркнула она не очень громко и направилась, не оглядываясь, ко входу в Эйрстрим.

— У нас компания, — сказала она, закрыв за собой дверь. — Опять.

Женщина сняла шлем, высвобождая облако темных волос, словно шелк заструившихся по ее плечам. И шлем, и черная кожаная куртка были отправлены висеть на веткообразные крючки, выскочившие из стены по щелчку ее пальцев. Барбара осталась в кожаных штанах и малиновой футболке. Она догадывалась, что не такого вида ожидала от нее университетская администрация, но не переживала по этому поводу. Соблюдение правил никогда не было ее сильной стороной.

Короткая морда с черным носом отодвинула бархатную занавеску на окне и Чудо-Юдо увидел свое отражение. Он издал лающий смех, который соответствовал его нынешнему облику — гигантскому белому питбулю. Не сказать, что он был воплощением изящества, но так куда удобнее для восприятия, чем его истинная форма — десятифутовый дракон (ок. 3 м, — прим. пер.). Они были компаньонами с ее детства... которое было куда раньше, чем можно предположить, основываясь на внешности Барбары.

— Не очень умно преследовать Бабу Ягу, — прорычал Чудо-Юдо, продемонстрировав ряд острых белых зубов. — Наверное, мечтает о смерти. Могу помочь с этим. Хочешь, я его съем?

Барбара закатила глаза.

— Вряд ли это необходимо. Не похоже, что он представляет угрозу.

Как будто обычный смертный мог навредить Бабе Яге в схватке лицом к лицу. Барбара была одной из трех Яг, в настоящее время живущих на (и ответственных за) территории Соединенных Штатов. Как и другие, она была обучена волшебству Бабой Ягой, своей предшественницей. Как и остальным, ей было поручено сторожить проход в Иноземье, сохранять баланс природы (насколько это возможно в современном мире), и, время от времени, помогать достойным искателям.

Последнее было просто занозой в заднице.

Барбара взглянула в окно поверх массивного, покрытого шерстью, плеча Чуда-Юда на ржавый синий пикап, припаркованный под ближайшим деревом. Уже три дня он следовал за ней от здания, где располагалась ее аудитория. Каждый день машина стояла тут примерно по двадцать минут. Несомненно, водитель пытался совладать с нервами, чтобы встретиться с одной из сильнейших ведьм на планете. Каждый день пикап уезжал, увозя размытые очертания мужчины с растрепанными волосами и поникшими плечами, оставляя за собой лишь пелену выхлопных газов и печали.

Барбара устала от ожидания. По идее, все, кто искал ее помощи, должны были сами приходить к ней. Женщина решила, что парковка в двадцати футах (ок. 6 м, — прим. пер.) от ее жилища была достаточно близка, чтобы засчитаться за соблюдение правил. У нее было

холодное пиво с ее именем (в прямом смысле, так как небольшая органическая пивоварня в Юте производила пиво под названием «Баба», чем она втайне гордилась), но Барбара не сможет расслабиться, пока не выяснит, действительно ли кому-то необходима ее помощь, или кто бы там ни был просто тратил впустую время, раздражая ее. Не лучшая идея — раздражать Бабу Ягу. А конкретно *эту* Бабу Ягу.

Ругаясь себе под нос, Барбара протопала к двери водителя, где и остановилась. Руки скрещены на груди, ноги широко расставлены. Чудо-Юдо увязался за ней, вероятно, просто от скуки. Они, как правило, проводили большую часть времени вдали от цивилизации, где ему легче было носиться туда-сюда, но сейчас оба застряли в Эйрстриме посреди парковки, что делало драконопса еще более сварливым, чем обычно.

Окно медленно опустилось, открывая бледное, небритое лицо под неровно подстриженными каштановыми волосами. Баба подумала, что мужчина был бы довольно привлекательным, если бы не уставший и встревоженный вид. Напряжение проложило глубокие морщины и тени на, в общем-то, симпатичном лице, а темные круги под карими глазами говорили о множестве бессонных ночей. На скуле красовался бледный фиолетово-зеленый синяк.

Барбара взяла себя в руки. Просто потому, что кто-то плохо спал, не означает, что он заслуживает ее помощи. Может, у парня проблемы с совестью. Или бодрствовал всю ночь, играя в карты и заигрывая с женщинами.

Она надеялась, что мужчина не приехал к ней в поисках какого-нибудь волшебного сокровища, которое вытащит его из долгов. Это, возможно, сработало бы в давние времена в темно-зеленых, таинственных лесах Матушки Руси, когда другие Бабы и сами были не прочь подыграть сказочным историям, рассказываемым людьми. Но уже не сработает, и точно не с Барбарой. Лучше бы ему *действительно* нуждаться в ее помощи или она превратит его в жабу и пойдет пить свое пиво.

— Эй, — окликнула она. Возможно резче, чем намеревалась, судя по тому как вздрогнул парень. — Думаю, ты хочешь поговорить, раз уж следуешь за мной три дня подряд. Собираешься когда-нибудь выйти из грузовика?

Мужчина нерешительно взглянул на нее и, кажется, совсем растерял остатки мужества при виде огромной псины, свесившей длинный розовый язык и слегка пускающей пар из ноздрей. Но через минуту незнакомец заглушил двигатель и открыл дверь. При всей нерешительности, представ перед Барбарой, мужчина выпрямился и расправил плечи, будто собирая всю свою храбрость. На пару дюймов (*ок. 5 см — прим пер.*) выше ее пяти футов и десяти дюймов (*178 см — прим. пер.*) он был одет в чистую голубую рубашку и джинсы, кажется, отутюженные. В одной руке незнакомец сжимал маленькую коробочку.

Барбара подняла темную бровь, но ничего не сказала. Она сделала первый шаг, следующий — за ним.

* * *

Иван Дмитриев старался не пялиться, но это было трудно. Женщина перед ним была совсем не такой, как он ожидал. Его бабушка, мать отца, часто рассказывали сказки тех мест, откуда была родом. В ДеКалбе (*ДеКалб — город на севере США, в округе ДеКалб штат Иллинойс, — прим. пер.*) жила большая русская община и после церковной службы по

воскресеньям их крошечная гостиная всегда была полна пожилых женщин смужикальными голосами. Они пили крепкий черный чай из потертого серебряного самовара, наполняя воздух своей болтовней о внуках, о том, что даже фрукты дома были вкуснее, а иногда, если ему везло, и пугающими рассказами о колдунье, Бабе Яге.

Как же он любил эти истории, будучи ребенком! Столь волшебные и пугающие описания иногда злой, а иногда мудрой Бабы Яги, с ее железными зубами, изогнутым острым подбородком и длинным носом, который всегда чуял ложь. По мере того, как сквозь кружевные занавески пробиралась ночь, бабушки все тише рассказывали свои сказки, снижая старческие голоса до шепота. Он почти видел, как колдунья летит по воздуху в своей заколдованной ступе, отталкиваясь помелом, видел ее дом, деревянную избу, передвигающуюся по лесу на гигантских куриных ногах.

Поэтому он сначала рассмеялся, когда бабушка отвела его в сторону на прошлой неделе и сказала, что те истории не были выдумками. Что Бабы Яги тоже реальны. Могущественные колдуньи, живущие среди обычных людей (хотя чаще на расстоянии от них). Волшебные дома и транспорт приобрели более современный вид, но роль этих женщин остается неизменной на протяжении времен.

Сначала Иван подумал было, что бабушка с годами потеряла связь с реальностью. Особенно, когда та сообщила, восседая на высоком резном стуле, что делало ее похожей на древнюю, но все еще правящую королеву, что в дни ее молодости в России она сама повстречала одну из легендарных колдуний.

— Ты бы меня видел, — гордо сказала бабушка, чисто произнеся слова, несмотря на сильный акцент. — Я совсем не испугалась. Ну, не сильно, во всяком случае, при виде жуткой и уродливой Бабы Яги. Искры летели из ее глаз так, что листья на деревьях вокруг начали тлеть. Она заскрежетала зубами — звук был такой, будто начался камнепад. О, это было страшное зрелище. Но передо мной была серьезная задача, я была молода, красива и полна решимости отыскать своего возлюбленного.

— Бабуля, — сказал Иван, как можно более спокойно. — Не сомневаюсь, что ты встретила в лесу пожилую женщину. Но это не могла быть Баба Яга. Это всего лишь сказка, которую рассказывают, чтобы пугать маленьких детей.

Бабушка фыркнула.

— Как ты можешь говорить, что она всего лишь вымысел, дорогой Ванечка? Все ли ты знаешь, чтобы так утверждать? Не думаю, — женщина нежно потрепала внука по щеке. — Я когда-нибудь обманывала тебя? Нет, никогда. Так вот, когда я говорю, что встречала Бабу Ягу, ты должен верить.

Нехотя, но Иван поверил ей. Когда он был маленьким, наивным ребенком, именно бабушкины рассказы казались самыми убедительными. История о том, как ее возлюбленный (его дедушка!) заблудился в лесу и как не-совсем-злая колдунья задала девушке три сложных задания, прежде чем направить к медвежьей яме, куда тот угодил.

Но, к счастью, финал оказался счастливым. Его бабушка воссоединилась с любимым, и Баба Яга оказалась настолько впечатлена храбростью молодой девушки, что предложила услугу, когда бы та ей не понадобилась.

— Но я никогда не обращалась к ней, — сказала бабушка. — Так что, у нас все еще есть ее услуга и тебе нужно только сказать об этом Бабе Яге и попросить ее о помощи. Уверена, она поможет, ведь нужда твоя велика, а в сердце истина. — Женщина протянула ему маленькую деревянную коробочку. — Этот знак дала мне колдунья. Вернешь его ей — она

поймет, что тебя послала я.

Голова Ивана закружилась от смеси проблеска надежды и неверия.

— Я проиграл последнюю апелляцию. Мой собственный адвокат даже не разговаривает со мной из-за всей этой лжи. Мы проиграем дело. Что *она* сможет сделать? И как я найду эту мифическую колдунью? Или она появится, просто потому, что мы нуждаемся в ее помощи?

Бабуля неодобрительно цыкнула, как обычно любят делать бабушки.

— Это будет не просто, мой маленький зайныка, но подозреваю, что не нужно загадывать так далеко. Ты внимательно слушал все рассказы? Именно так и работает магия.

Так оно и случилось.

Теперь Иван стоял перед высокой брюнеткой с выразительными янтарными глазами и устрашающим выражением лица, и вовсе не был уверен, что пришел по правильному адресу. Она выглядела достаточно жестокой, чтобы быть колдуньей, а ее нос был, пожалуй, слегка длинноват, но женщина казалась слишком красивой для древней старухи, которую он искал. Были ли помощники у Бабы Яги?

— Ну? — Переспросила брюнетка. Слабый русский акцент делал ее низкий голос почти знакомым. — Вам что-нибудь нужно?

Иван протянул данную бабушкой коробочку. Мозолистые руки едва заметно дрожали.

— Меня зовут Иван Дмитриев. Я пришел истребовать *услугу*, обещанную Бабой Ягой моей семье. Вы можете отвести меня к ней? — сказал он.

Женщина выхватила резную деревянную коробку из его пальцев, пробормотала что-то на русском и трижды постучала по крышке. Та распахнулась, и Иван мельком увидел нечто, мерцавшее перламутровыми оттенками красного и черного. Это выглядело как осколок камня, если бы камни могли быть подобного цвета. Или, возможно, как раковина какого-нибудь существа, жившего в мифическом море.

Сильные пальцы захлопнули коробку, прежде чем он смог получше рассмотреть содержимое, убрав в сумочку, которую Иван ранее не замечал. В любом случае, женщина нахмурилась еще больше.

— Семейный долг чести, — прорычала она. — Превосходно. Именно этого мне и не хватало. Теперь мне никогда не добраться до пива.

Иван мог поклясться, что собака у ее ног... засмеялась.

* * *

Барбара уставилась тяжелым взглядом на коробку перед собой, как если бы могла таким способом ее воспламенить. Это, конечно, было вполне возможно, если бы она захотела, но так проблему не решить. Содержимое она распознала сразу — не ракушка, не кристалл, а одна большая драконья чешуйка. Да к тому же не любого, а *ее* дракона. Ее Чуда-Юда и, следовательно, Чуда-Юда обучавшей ее Бабы Яги. Неизвестно, почему ее наставница вручила такой символ бабушке этого человека, но ясно, что такой факт имел место в прошлом. Что делает *это* — и парня — проблемой Барбары.

Ее предшественницы уже давно нет. Та прожила куда больше обычной пары веков, дарованных всем Ягам, благодаря применению теми Живой и Мертвой Воды, получаемой от Высшей Королевы Иноземья. Вода продлевала жизнь, увеличивала силы и повышала естественные магические способности колдуний. (Плюс создавала долговые обязательства

перед Королевой и жителями ее мира. Бесплатных эликсиров не бывает.) Барбара унаследовала дом своей предшественницы, ее имущество и обязанности. И теперь похоже, еще и неиспользованную услугу. *Превосходно.*

— Думаю, тебе лучше войти, — сказала она и пошла обратно к Эйрстриму. В котором исчезла входная дверь. Снова.

— О, черт тебя побери, прекрати это, — выругалась Барбара, ударив кулаком по серебряной стене. — Ты должна прятать дверь от посетителей, но никак не от *меня*, своенравная консервная банка.

Гость изумленно уставился на внезапно появившуюся дверь, а затем на женщину.

— Как, что? — Заглянув Барбаре через плечо, он добавил с тревогой: — Знаете, наверное, не стоило этого делать. Во всех историях говорится, что не стоит сердить Бабу Ягу.

— Да неужели? — пробормотал Чудо-Юдо, к счастью, по-собачьи, а не по-английски (или, слава Богам, не по-драконьи, что, как правило, сопровождалось языками пламени).

Барбара закатила глаза.

— Это мой дом, и я могу пинать его, если захочу.

Иван замер, нога зависла над землей.

— Подождите. Ваш дом? *Вы* и есть Баба Яга? — Он недоуменно уставился на нее. — Не Баба Яга — это же безобразная старая карга, а *Вы*, *Вы*... нет!

Чудо-Юдо так расхохотался, что Барбаре пришлось отпихнуть его в сторону, чтобы попасть внутрь. Нелегкая задача с двухсотфунтовой (*около 91 кг, — прим. пер.*) собакой. Пробормотав что-то нецензурное на русском, она жестом поторопила незваного гостя завершить оставшийся путь.

— Спасибо, наверное, — сказала она. — И да, я — Баба-Яга. Одна из них, по крайней мере. На самом деле, это скорее должность, чем имя. Можешь звать меня Барбарой, если тебе так удобнее.

Иван споткнулся о диван на своем пути, попеременно таращась то на женщину, то на обстановку внутри Эйрстрима. Видимо, богатый бархатный декор и красочные гобелены были не тем, что он ожидал увидеть. К слову, как и она сама.

Барбара приложила усилие, чтобы казаться милой. Общение не было ее коньком: спасение из заброшенного детского дома и взросление в лесу под руководством древней антисоциальной ведьмы делает такое с кем угодно. Впрочем, это не означало, что она не могла быть приветливой, просто ее это редко волновало.

— Хочешь чаю? — спросила она. — Он, скорее всего, будет пахнуть голубыми розами, но уверяю тебя, это совершенно безопасно.

— Хм, хорошо, — сказал Иван. — Э-м-м... я думал, что Баба Яга живет в избушке на курьих ножках.

— Конечно, — сказала Барбара, бросая немного чая в заварник и заливая туда кипяток. — Но когда мы с приемной матерью переехали сюда из России, она решила, что на новом месте нужно получше вписаться в обстановку. И изба, и ступа прошли с тех пор несколько преобразований, но конкретно этой я довольна. — Цветок из рисунка на ковре начал было виться вверх по ножке стола, но Барбара незаметно запихнула его ногой обратно. — В основном.

Сев на стул напротив Ивана, она протянула ему чай.

— Ох, — произнес мужчина, обхватив кружку обеими руками, будто это была

единственная надежная опора во вселенной. — Таким образом, истории о Бабе Яге, где ее описывают, как старую каргу, были о другой Бабе. Это все объясняет.

Барбара прикусила губу, стараясь не рассмеяться.

— По большей части, это просто традиция. Баба Яга может выглядеть как захочет, но обычно жуткая старая ведьма подходит на эту роль лучшего всего. — Она отмахнулась от его следующего вопроса. — Почему бы тебе не рассказать, зачем искал меня? Давай угадаю — хочешь, чтобы я дала тебе какое-нибудь сокровище. Люди всегда ищут волшебные клады.

Она вздохнула. Не то, что Бабы никогда не одаривали драгоценностями и богатством всех желающих пройти ради этого через невыполнимые испытания. Барбара просто не могла понять, почему кто-то в принципе готов идти на такие трудности ради нескольких блестящих безделушек.

Пожалуйста, пусть это будет не сокровище. Пожалуйста, пусть это будет не сокровище.

Она скрестила пальцы под своей чашкой. Парень ей, вроде как, понравился, и она очень не хотела отправлять его в жерло вулкана или в бездонную яму.

Линии вокруг рта Ивана стали глубже и карие глаза погрузнели.

— У меня уже было величайшее сокровище в мире, Баба Яга, и кое-кто украл его у меня. Я нуждаюсь в Вашей помощи, чтобы вернуть его обратно.

Вздыхнув, Барбара расцепила пальцы.

— Что это было? Алмазы? Золото? И кто его у тебя украл?

Иван вытащил из бумажника потертую фотографию и протянул ее женщине. На снимке были две маленькие белокурые девочки, катающиеся на качелях. Смеясь, они взлетали в небо. Оттенок их волос был светлее, чем у него, но глаза и скулы, определенно, как у Дмитриева.

— Это мои дочки, Елена и Катя. Этот снимок был сделан в прошлом году, когда им было два и четыре года. Они были сокровищами моего сердца с того самого дня, как родились. — Иван заморгал, чтобы удержать предательские слезы и выпрямился, сжав челюсти. — Их мать выкрала девочек шесть месяцев назад. Я сделал все, чтобы вернуть их, но не смог, и тогда бабушка сказала, что я должен прийти к Вам. Она сказала, что Баба Яга всемогуща. Поэтому, пожалуйста, пожалуйста, Баба... Барбара, помогите мне вернуть моих детей обратно. Я выполню все, что Вы скажете, заплачу любую цену. Пожалуйста, просто скажите, что можете.

Вот черт, — подумала Барбара. — Семейные разборки. Я бы предпочла проклятые сокровища.

* * *

По выражению лица Барбары Иван сделал выводы, что еще несколько минут — и она выгонит его вон. Или скормит своему огромному псу. Зверюга выглядела так, будто могла сожрать его на ужин и в ее брюхе еще осталось бы место для симпатяги-почтальона на десерт. Бабушка предупреждала его, что будет нелегко, но ему было все равно. Если он не сможет вернуть своих девочек, дальнейшая его жизнь не имеет смысла.

Баба Яга поправила копну буйных волос и сердито посмотрела на него.

— Я ведьма, сэр, а не семейный психолог и не адвокат. Предлагаю тебе обратиться к

кому-то из них, сохранив *услугу* твоей бабушки для чего-то более подходящего.

Пальцы Ивана стиснули кружку, но он даже не заметил, что горячий чай выплеснулся ему на джинсы.

— Вы думаете, я бы тут сидел, если бы уже не перепробовал все остальное? — спросил он с горечью. — Когда моя жена в первый раз забрала девочек, я пытался поговорить с ней, затем обратился к юристу, потом к копам. Сначала показалось, что это сработает, но затем моей жене и ее новому приятелю удалось убедить всех, что я монстр — домогался собственных дочек. Полицейские предупредили, чтобы я держался от них подальше, а суд вынес временный судебный запрет, и даже мой собственный адвокат пошел против меня. Это было безумие! Я не сделал ничего, что обидело бы моих девочек. Я их даже не шлепал никогда, что бы они натворили.

Мужчина смотрел в ее янтарные глаза, будто пытаюсь мысленно внушить ей, что невиновен. Все казалось безнадежным; если ему больше никто не верил, то уж она-то почему должна?

Тонкий пальчик задумчиво постучал по губам, подведенным красной помадой.

— Ты же правда понимаешь, что врать Бабе Яге — это действительно плохая идея? Безумно, фантастически, катастрофически плохая.

Он кивнул.

— Я не вру, клянусь. Но я не знаю, как Вас убедить.

Она толкнула огромного питбуля одной ногой, и он поднялся, широко зевая и демонстрируя ровные, огромные, острые белые зубы.

— Если ты знаком с легендами, то наверняка знаешь, что Яга способна учуять ложь своим длинным носом.

Она, слегка скромничая, коснулась своего собственного носа, а затем резко опустила руку.

— Э-э-э, да. Припоминаю что-то такое.

— Ха, — произнесла она. — На самом деле у Бабы есть секретное оружие. Ты можешь обмануть меня, но никто не сможет одурачить Чудо-Юдо.

Она ласково погладила огромного пса.

В его сознании вдруг всплыла часть истории.

— Чудо-Юдо — это дракон, который охраняет Живую и Мертвую Воду, да? Мне кажется, моя бабушка рассказывала сказку о Бабе Яге, повелевающей драконом или что-то вроде того. — Он улыбнулся ей. — Клёвое имя для пса. Особенно для того, что путешествует с Бабой Ягой.

Ведьма вздохнула, намек на юмор заставил ее слегка ухмыльнуться уголком рта.

— Повелевать — это сильно сказано, честно говоря. Никто не повелевает драконами, даже я. И никто не называл пса в честь Чудо-Юдо, потому что он сам Чудо-Юдо и есть. Один из них, по крайней мере. У каждой Бабы Яги свой Чудо-Юдо.

Питбуль зубасто осклабился на него, и резко выдохнул из ноздрей крошечные искры. Иван поборол желание соскочить со стула и броситься к двери. Он был готов к сказочной ведьме, но драконы? Драконы — это совсем другое дело.

Барбара подняла темные брови, опасно сверкнув глазами.

— Еще не слишком поздно отказаться от своей просьбы, — сухо произнесла она. — Ты, конечно, потеряешь право на *услугу* старой Бабы Яги, обещанную твоей бабушке, но, по крайней мере, сможешь уйти подобру-поздорову.

Она начала подниматься со своего места.

— Нет, — ответил Иван, так твердо, как мог, наблюдая как тлеет один из его шнурков. — Я к Вам за помощью пришел, и по-прежнему хочу ее получить. Я говорю правду, клянусь.

Брови поднялись еще выше, но она села обратно на стул.

— Чудо-Юдо?

Холодный черный нос обнюхал Ивана сверху донизу, и неожиданно нежный язык лизнул его руку, а затем лицо. Иван едва сдержался, чтоб не чихнуть от запаха серы.

Пес секунду пристально смотрел на него, потом опустился между ними на пол, и сказал голосом, напоминающим звук гравия, перемалываемого валунами.

— Он говорит правду, Баба. Похоже, нам попался истинный искатель.

* * *

Барбара подавила смешок: бедняга подпрыгнул так резко, что кружка вылетела из его руки на пол. Полезный цветок вырос из цветочного ковра и смягчил ее падение, но Иван был слишком занят, уставившись на Чудо-Юдо, чтобы это заметить.

— Он говорящий! — ошарашенно пробормотал Иван. — Пес разговаривает! Боже мой!

— Ты веришь в древнюю ведьму, а в говорящего дракона, который выглядит как собака, нет? — проворчал Чудо-Юдо. — Хм. Молодые люди нынче имеют такое ограниченное воображение.

— Ясно же, что он просто поражен твоей впечатляющей маскировкой, — сказала Барбара успокаивающе. Куда это годно — расстроенный дракон. Особенно с привычкой вымещать дурное настроение на мебели. Она прищелкнула пальцами, и перед ее спутником на полу появилась гигантская сахарная косточка.

Теперь, когда Чудо-Юдо был, по крайней мере, временно отвлечен, она вернулась к текущей проблеме.

— Думаю, тебе лучше начать с начала, — сказала она, протягивая вновь наполненную кружка слегка ошеломленному Ивану. — Как твоей жене удалось убедить всех в чем-то, что было явно неправдой? И почему? Вы детей не могли поделить?

Иван отхлебнул чай; шок прошел и на его лицо вновь вернулись усталость и печаль.

— Я бы так не сказал. И это не она. Это все ее новый приятель. По-моему, он способен убедить кого угодно и в чем угодно. — Он поднял руку, когда Барбара попыталась что-то сказать. — К сожалению, из меня плохой рассказчик. Вы велели мне начать с начала...

— Около года назад моя жена начала вести себя по-другому. Сначала я подумал, что она просто устала, самостоятельно воспитывая двух маленьких дочек. Я работал в две смены, чтобы больше зарабатывать, но это значило, что дома я бывал, только когда девочки уже спали, — сказал он. — Нам обоим это не нравилось, но мы старались накопить побольше денег на первый взнос за дом. Грейс очень хотела дом с задним двором, чтобы там играли девочки, можно было разбить сад и завести собачку.

Чудо-Юдо одобрительно гавкнул, и Иван продолжил:

— Но она стала отдаляться, начала уходить по вечерам. Она говорила, что на встречи. Какой-то друг познакомил ее с гуру движения Нью Эйдж (*Нью Эйдж* — религии «нового века» — общее название совокупности различных мистических течений и движений, в

основном оккультного, эзотерического и синкретического характера, — прим. пер.) . Она говорила, что находит этого парня воодушевляющим. И что это помогло избавиться от скуки, навеянной жизнью домохозяйки и вечно сидящей дома мамыши.

Барбара приподняла бровь.

— И тебя это не насторожило?

Иван пожал плечами.

— Я знаю, что, пожалуй, должно было. Но она же была моей женой. Я думал, что мы любим друг друга. Отношения были немного напряженными с момента рождения Елены; мы планировали подождать со вторым ребенком, пока наше финансовое положение не стабилизируется, так как Грейс очень беспокоилась о деньгах. Но я всегда знал, что все будет в порядке, покуда мы любим друг друга, а я безумно обожал малышей, и не жалею о появлении на свет ни одной из них. Я думал, что и Грейс чувствует то же самое...

— Очевидно, нет, — пробухтел драконопёс; его слова заглушала большая кость, наполовину торчащая из пасти.

Барбара отвесила ему приличный пинок ботинком и сказала: — Так что же произошло?

Иван выглядел так, будто воспоминания причиняли ему жестокую боль, беспощадно терзая его.

— Однажды я пришел домой, а девочки там совсем одни. В доме было темно, а они спали в своих кроватках, но ведь могло что-нибудь случиться. Какая мать оставит своих детей двух и четырех лет без присмотра? — Руки стиснули кружку. — Через несколько минут примчалась Грейс и клялась, что бегала к соседям, но я слышал, как отъезжает автомобиль. Вот тогда я и нанял частного детектива.

— Оказалось, что у Грейс была любовная связь с этим гуру — Джонатаном Беллингвудом. Когда я предоставил ей доказательства, она взяла детей и переехала к нему. У него в собственности много земли за пределами ДеКалба; большое ранчо и куча мелких построек на огромной площади. Полагаю, пара, владевшая поместьем, просто отдала его этому типу, когда они присоединились к его «пастве». Он живет там с кучей последователей: в основном, это женщины (некоторые из них с детьми), несколько супружеских пар, а также пара-тройка огромных неповоротливых типов, которых он использует как своего рода неофициальных телохранителей.

— Полагаю, это ты выяснил на собственной шкуре, — сухо произнесла Баба Яга.

Иван потрогал скулу, на которой все еще красовался синяк от контакта с кулаком гораздо больше его собственного.

— О, да, — он покачал головой. — В конце концов, я сказал Грейс, что она может делать все, что хочет, пока я могу видеться с детьми. Но она отказала мне. Начала нести какой-то бред о том, что она и девочки стали частью семьи Джонатана, и теперь Катя и Лена принадлежат ему, а не мне.

Какое-то мгновение он стал живым воплощением ярости, и, прежде чем продолжить, отхлебнул чай.

— Я нанял адвоката и подал на нее в суд. Именно тогда она придумала безумную историю о растлении детей. Доказательств никаких нет, и психолог, которая общалась с малышами, сказала, что они это отрицали. Но тогда этот Джонатан выступил в суде с заявлением, что якобы он видел меня ... делающим *это*.

Иван задохнулся на словах, вспомнив, как ужасно это было: все осуждающе уставились на него, и сомнение в их глазах так или иначе сменилось на непоколебимое отвращение.

— Судья ему поверил. Социальный работник, представляющий интересы детей, ему поверил. Черт, даже мой собственный адвокат ему поверил. Этот парень отвернулся от меня, как только мы вышли из зала суда. Это было два месяца назад, и с тех пор я не видел моих девочек. Я волнуюсь по поводу того, что происходит с ними там, на ранчо. И так сильно-сильно по ним скучаю...

Его голос сорвался, и ему пришлось прерваться, чтобы высморкаться. Когда он перевел взгляд на Барбару, она задала ему наиболее очевидный вопрос.

— Ну и как же он смог убедить всех этих людей? Подкупил?

Иван опять пожал плечами.

— Я так понял, что он действительно из тех харизматичных личностей, которые являются пастырями большого культа, а люди считают их богами или что-то в этом роде. Но моя бабушка готова поклясться, что он использует какую-то магию, — он осмотрел пространство Эйрстрима, а затем взглянул на Чудо-Юдо. — Честно говоря, я считал ее сумасшедшей, но теперь даже и не знаю...

— Х-м-м, — сказала Барбара. — Но тогда почему он не убедил тебя просто закрыть дело и оставить жену и детей с ним? Ведь, разумеется, это было бы намного проще, чем зачаровать весь зал, полный людей, или что там он, по словам твоей бабушки, сделал.

— О, он пытался, — ответил Иван, скривив губы в отвращении. — Он сказал: «Они тебе больше не нужны, забудь про них и возвращайся домой». Как будто от его слов это должно было стать правдой. Мудак. — Он вдруг вспомнил, с кем разговаривает. — Извините. Я хотел сказать «придурок».

Барбара рассмеялась.

— Ничего страшного. Все в порядке, похоже, он действительно мудак. — Она одарила его задумчивым взглядом из-под длинных темных ресниц. — И как он отреагировал, когда ты не сделал то, что он сказал?

Иван категорически отрезал:

— Его это потрясло. Похоже, он ожидал, что я на самом деле откажусь от своих детей, просто потому что он мне так сказал.

— Разве это не интересно? — произнес Чудо-Юдо, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Да, — ответила Барбара. — Очень даже.

* * *

Барбара задумчиво постукивала пальцами по ноге. Происходило действительно нечто странное. Но что-то не сходилось.

— Итак, этот Джонатан сумел убедить целый зал людей, включая твоего адвоката, а у тебя к его чарам был иммунитет?

Иван снова пожал плечами.

— Я не знаю почему, но так и было. Конечно, я *знал*, что говорю правду, и никоим образом не собирался отказываться от своих детей.

У нее было чувство, что за этим крылось нечто большее.

— Я собираюсь проверить одну теорию, — сказала она, скривив губы в усмешке, которая тут же испарилась словно мираж. — Не волнуйся, это не больно.

Чудо-Юдо настороженно сидел, пока она начертала указательным пальцем несколько

тайных символов и пробормотала шепотом заклинание. Зеленый свет выстрелил из кончика пальца и завис напротив груди Ивана, прежде чем рассеяться в мшистый туман и медленно осесть на ковер.

— Эй! — сказал Иван, выставив обе руки перед собой, защищаясь. — Что, черт возьми, это было?

Его кружка снова упала на пол, издав забавный квакающий звук и крутнулась на месте.

Барбара фыркнула себе под длинный нос. О, эти Смертные, они всегда излишне бурно реагируют на малюсенькую безобидную магию.

— Не будь таким неженкой, — сказала она. — Я просто хотела превратить тебя на минутку в лягушку. Я бы сразу же расколдовала обратно.

Ее гость побледнел.

— В лягушку? Вы можете так делать? Но *зачем* Вы хотели это сделать?

— Это был эксперимент, — спокойно ответила она. — И он подтвердил мою догадку.

— Подтвердил? Какую догадку? — Иван ощупал себя несколько раз, словно желая убедиться, что все его конечности были до сих пор при нем. — Черт возьми...

— Магия на тебя не действует, — сказала Барбара, пытаясь быть терпеливой, объясняя очевидное. — Мне интересно, почему.

— О, — успокоился Иван. — Возможно, все дело в этом, — из кармана рубашки он вытащил небольшой водонепроницаемый чехол, свисающий на тонком кожаном шнурке. — Моя бабушка дала мне это много лет назад, когда я ушел из дома. Она взяла с меня обещание никогда его не снимать. Грейс меня из-за этого поддразнивала, но так я всегда чувствовал, что со мной немного бабушкиной любви. Это, знаете ли, успокаивает. Кроме того, бабушку всегда нужно слушаться.

— Разумеется, нужно, — глубокомысленно произнесла Барбара. — Подозреваю, что этот талисман тебя и защитил. Не будь его — ты бы вернулся домой без жены, без детей и даже не предполагая, что оставил их без возражений.

Она обнаружила, что против своих принципов начинает проникаться проблемой этого искателя и им самим. К тому же, любой человек, укравший чужих детей был достоин презрения и заслуживал наказания. (Несмотря на столь ужасную репутацию, Бабы Яги защищали детей, а не ели их). Но если этот Джонатан использовал магию, чтобы поработить разум и волю других людей... это было совсем другое дело. И это дело очень плохо пахло. И уж абсолютно точно подходило под статус «то, в чем должна разобраться Баба Яга». Кроме того, был еще знак. *Услуга*, обещанная любой Бабой было обязательной для всех.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну что ж, — сказала она, чувствуя, как ее неумолимо затягивает в водоворот предначертанной судьбы — Я исполню твою просьбу.

На лице Ивана одновременно отразились шок, благодарность, и легкая тревога.

— Правда? Я хотел сказать — спасибо.

— Не благодари меня, пока все не закончится, — мрачно произнесла Барбара. — Что-то мне подсказывает, что финал будет хорош не для всех. Кое-кто все же может превратиться в лягушку.

И это было хорошей новостью.

После того, как Иван уехал, Барбара откопала свой ноутбук из дальнего угла кухонного шкафа, с трудом обнаружив его запрятанным позади запасной миски для воды Чудо-Юдо, груды древних поваренных книг и забытой банки малинового варенья. По крайней мере, она надеялась, что это было именно варенье.

Несмотря на свою нелюбовь к современным технологиям (она по-прежнему отказывалась покупать такую глупость как сотовый телефон), было слишком трудно сопротивляться соблазну легкого доступа к информации; так у нее появился компьютер. Но она использовала его очень редко, поэтому не имело никакого смысла держать его на виду.

Однако при случае он был полезен. Вот, например, сейчас, когда ей необходимо разузнать, кто такой этот Джонатан Беллингвуд.

Час спустя она стала обладательницей кое-каких интересных фактов и нескольких вопросов, на которые оказалась не способна ответить даже магия Интернета.

— Х-м-м, — произнесла она. — Как говорила Алиса: «Всё любопытственнее и любопытственнее».

Чудо-Юдо поднял глаза от изгрызенных остатков кости. Он ее почти доел.

— Что?

— Это из «Алисы в стране чудес», — ответила Барбара.

— Знаю, — проворчал дракон. — Читал Льюиса Кэрролла. Я имел в виду, что там у тебя такого любопытного?

Барбара отодвинула ноутбук в сторону и потеряла глаза.

— Ну, информации на Джонатана Беллингвуда много. Несколько статей в местной газете о его «духовном уединении», как он это называет; несколько объявлений о проводимых им беседах и пара обычных безрадостных писем в редакцию о сектах, заполонивших город. И все они, самое интересное, в следующем выпуске опровергаются.

Она подошла к кофеварке и любезно попросила аппарат сварить чашку Френч Роаст (*кофе французского способа обжаривания из самого твердого латиноамериканского зерна кофе, обжариваемый до самого темного цвета — прим. пер.*). Но получила (она была вполне уверена) Эфиопский (*Эфиопский кофе — это один из мировых образцов качества — прим. пер.*); хорошо, что хоть не апельсиновый сок. Или водку-мартини. Как и все остальное в Эйрстиме, кофеварка имела свой собственный разум.

— И что в этом такого любопытного? — спросил Чудо-Юдо.

— Две вещи, — ответила она, наслаждаясь глотком кофе, который слегка пах голубыми розами, необходимостью рациона Бабы Яги. Ее сестра Бека, живущая в Калифорнии, обычно добавляет их себе в суши. Гадость какая. Сырая рыба. Барбара считала, что намного проще предоставить это дело кофеварке.

— Во-первых, Иван, кажется, единственный, кто столкнулся с этим Беллингвудом и смог ему противостать. Я нашла несколько заявлений родителей, обеспокоенных, что их дочери безвозвратно исчезли в коммуне, но никто и никогда, кажется, не проводил расследование по этому поводу. Если мы предположим, что все эти девушки все-таки вернулись, что маловероятно, то, полагаю, наш таинственный друг смог убедить и остальных людей делать, что он хотел.

— А во-вторых?

— О Джонатане Беллингвуде информация есть только за последние два года, ранее же он нигде не упоминался. В первой статье говорится, что он прибыл в ДеКалб откуда-то из Монтерей Бэй, но когда я начала искать информацию его пребывания там, то абсолютно

ничего не нашла, — она в отчаянии хлопнула крышкой ноутбука и сунула его обратно в шкаф. — Бред.

— Ну, тут два варианта, — веско сказал Чудо-Юдо. Он уже слишком привык к ее редким приступам чудачеств, чтобы ими впечатляться. Кроме того, любые приступы раздражения, не сопровождаемые всполохами пламени, были, по его мнению, довольно незначительны. Вот ее другая сестра, Белла, чьей магической стихией был огонь — уж она-то действительно впечатляюще проявляла свой нрав.

— И? — Барбара была уже достаточно раздражена, чтоб согласиться услышать мнение пса. Она ненавидела биться головой о стену. До тех пор, пока в процессе стену действительно не надо было проламывать. Вот это ей уже нравилось. — И какие же, скажите на милость?

Драконопёс поднял черный когтистый палец.

— Первый: он лгал, что приехал из Калифорнии.

— Или?

Второй коготь присоединился к первому.

— Или второй: он жил там всегда, но неприметно или под другим именем. К счастью, мы знаем кое-кого из тех краев, кто сможет пролить нам свет на его личность.

Барбара внезапно приободрилась: и от возможности решения тайны, и от предложения пообщаться с одним из близких ей людей.

— Отличная мысль, Ваше Собачество! — сказала она и пошла за своим волшебным зеркалом.

* * *

Пусть у Барбары и не было сотового телефона, но, к счастью, в нем не было нужды, чтобы поговорить с одной из ее коллег Баб. В данный момент она пыталась связаться с Бекой, младшей из трех Баб Яг, живших в Соединенных Штатах. Несмотря на то, что все Бабы так или иначе путешествовали, исполняя различные свои обязанности, у них, как правило, было одно особое место, которое они называли домом. К счастью для Барбары, Бека любила парковать свой переделанный школьный автобус (разумеется, бывший избушкой на курьих ножках) в небольшом местечке с видом на залив Монтерей Бэй.

Отгородившись занавесками от наступающей ночи, Барбара выложила на столик перед диваном свое волшебное зеркало — гладкое черное стекло, обрамленное серебром с магическими символами и древними рунами для общения. С притихшим рядом Чудо-Юдо, она выключила свет и щелчком пальцев зажгла толстую желтую свечу.

Мерцающий блеск горящего фитиля плясал на темной поверхности стекла как тени от костра, и Барбара вспомнила, как в последний раз всех трех ведьм собрали вместе; они сидели у костра и попивали Шабли из резных деревянных кубков. Она сосредоточилась на том вечере и нечастом чувстве дружеских отношений, которыми они наслаждались.

Прошептав заклинание, она направила его через эфир (*здесь — тончайшая пятая стихия в античной и средневековой натурфилософии, физике и алхимии — прим. пер.*), одновременно мысленно вызывая Беку. Затем она вошла в расслабляющее состояние легкого транса, необходимое для связи между Бабами во времени и пространстве; скрестив ноги и положив руки на колени, она собралась ждать, сколько потребуется. Бека, вероятно, ощутила

вызов сразу же, но неизвестно, сколько времени у нее займет, чтобы найти тихое и уединенное место, где она сможет ответить.

Некоторое время спустя — час или три — из зеркала раздался глубокий звенящий звук, похожий на тот, что издает металлическая поющая чаша (*Поющие чаши — древний музыкальный инструмент, использовавшийся по всей Азии как часть религиозных традиций. В наши дни, кроме традиционного религиозного применения, поющие чаши используются повсеместно как инструмент для медитаций, релаксации, различных медицинских практик, связанных с биоритмами, в йоге. — прим. пер.*). Барбара открыла глаза, всматриваясь в центр волшебного зеркала. Тусклый сумрак медленно рассеивался, являя свету лицо миловидной молодой загорелой блондинки, выглядевшей как обычная калифорнийская сёрферша. Коей, собственно, и была именно эта Баба Яга, когда не гонялась за чудовищами или не предотвращала экологические катастрофы.

— Бека! — воскликнула Барбара и ее обычно суровое лицо осветила столь редко появляющаяся улыбка. — Как поживает самая жизнерадостная и дерзкая Баба? Сама Барбара имела очень поверхностное знакомство с жизнерадостностью, и если бы она повстречала дерзкого типа в темном переулке, она бы прирезала его, пока никто не видит. Но она обожала Беку, несмотря на ее несвойственный Ягам лучезарный характер.

— Привет, Барбара! — произнесла Бека; ее голос слегка отзвывался эхом, проходя через зеркало Барбары. — Я сожалею, что не смогла сразу ответить на твой вызов, но я была на гребне огромной волны, и не хотела покидать его. Я предположила, что если бы это было нечто срочное, то ты позвала бы громче.

Кривая усмешка заставила ее выглядеть еще более очаровательной, если только это было возможно. Но Барбара заметила темные круги под глазами Беки, которые противоречили ее легкому тону.

— О, не беспокойся, — сказала Барбара, — Я бы так и поступила. Ты в порядке, Бека? — Наставница Беки не отдалялась от своей подопечной эмоционально, как это делала учитель Барбары, но там явно были какие-то другие, оставившие отпечаток, проблемы. — Я знаю, что Бренна отошла от дел пару лет назад. Может быть, тебе нужна помощь с текущим делом?

Свечение в зеркале на мгновение потускнело, когда Бека отвела взгляд, и ее улыбка уже не была столь ослепительна, когда она опять повернулась.

— Нет, — ответила она. — Я в порядке. Почему ты решила, что я не справляюсь с работой?

Барбара удивленно моргнула.

— Не говори глупостей. Я уверена, что справляешься. Черт, да у тебя был самый долгий период обучения, чем у любой другой Бабы Яги в истории.

Как бы то ни было, Бека стала выглядеть еще мрачнее.

— Я знаю, — девушка вздохнула, а затем, отмахиваясь от всех своих переживаний, одарила Барбару своей обычной веселой улыбкой. — Так ты позвала меня, я полагаю, потому что есть нечто, с чем тебе требуется моя помощь. Может, это людоед, с которым ты не можешь справиться с полтычка? Или, возможно, тебя беспокоит прекрасный принц и ты хочешь спихнуть его мне? — она с намеком пошевелила бровями.

— Очень смешно, — промолвила Барбара. Она попыталась вспомнить, когда последний раз прекрасный мужчина — принц или еще кто — вообще появлялся. Кроме, конечно, Кощея. Но он был драконом, и она не была уверена, что это считается. Однако, какого черта

она стала бы встречаться с человеческим парнем? Даже если она встретит того, кого сочтет привлекательным, он убежит с криками, узнав, кто она такая на самом деле. Была причина, почему Бабы Яги ни с кем не встречаются. Множество причин, на самом деле.

— Я звоню по поводу парня, — сказала она. — Но он не принц. У меня возникла ситуация с так называемым гуру, который, возможно, использует магию для влияния на людей. Я отследила его до появления на моей территории несколько лет назад, но дальше его след обрывается. Возникло предположение, что он, вероятно, обитал недалеко от Монтерей Бэй, прежде чем приехал сюда. И я решила попросить тебя кое-что разузнать.

Бека выглядела заинтригованной.

— Ха. Как ты в это вляпалась? Традиционный истинный искатель?

Барбара кивнула.

— Ага. Парень, чья жена сбежала, чтобы присоединиться к веселой компании этого гуру, прихватив с собой их двух маленьких дочерей. Затем, когда мой искатель попытался вернуть их, наш таинственный человек каким-то образом убедил судью, и социального работника, и адвоката нашего искателя, что парень домогался девочек.

На мгновение повисла тяжелая тишина.

— Боже, это отвратительно, — яростно выпалила Бека. — Я имею в виду, допуская, что он этого не делал.

— Чудо-Юдо говорит, что парень не лжет, — сказала Барбара. — К тому же, у него имеется символ, данный моей предшественницей. В любом случае я должна помочь ему, даже если бы у него не было веской причины.

— Этого для меня достаточно, — согласилась Бека. — Ты знаешь, есть во всей этой ситуации что-то такое знакомое, но я никак не могу припомнить, что. Как зовут этого типа гуру, которым я должна заняться?

— Джонатан Беллингвуд, — сказала Барбара. — Если надо, я могу раздобыть прядь его волос или кусок одежды и отследить его магически, но было бы лучше, если бы мне не пришлось приближаться к нему, пока я не разберусь в ситуации, — она улыбнулась, и слегка хищно. — Так или иначе.

— А-ха, — Бека закатила глаза. — Постарайся не превратить его во что-нибудь отвратительное, пока я не разузнаю все со своей стороны, хорошо? Я имею в виду, может быть, этот чувак вовсе и невиновен.

Барбара пожала плечами.

— Ну, в чем-то он все же виноват, дорогуша. В конце концов, он спал с женой другого парня. Но, да, я отложу радикальные меры, пока не получу больше информации. Просто дай мне знать, если что-то выяснишь.

— Обязательно, — сказала Бека; ее голос исчезал, поскольку связь начала пропадать. — Давай попробуем встретиться с Беллой как-нибудь, если сможем. Я по вам скучаю.

— Было бы здорово, — сказала Барбара. — Позови, если что найдешь.

Зеркало потускнело, становясь черным, а свеча, стоящая перед ним, с шипением погасла, оставив Барбару на миг в затемненном трейлере. Она взмахнула рукой в воздухе, и свет зажегся.

Она выпрямилась, одной рукой потирая спину, которая затекла и болела от неудобной позы.

— Ты как? — заботливо поинтересовался Чудо-Юдо, сидя у ее ног. Если расстояние было велико, общение при помощи магического зеркала могло отнимать много энергии. —

Выглядишь так, будто без бокала вина не обойтись.

— Отличная идея, — сказал Барбара, поднимаясь на ноги и направилась к холодильнику, лелея надежду. Было мило, что он беспокоился. Удача ей сопутствовала, и она обнаружила бутылку сухого белого вина прямо за хрустальными сосудами с Живой и Мертвой Водой.

— Пока ты не отключилась, — добавил Чудо-Юдо. — ты могла бы дать мне чего-нибудь перекусить.

Ха. Надо же, какой заботливый! Она достала кусок ростбифа и поставила перед ним на тарелке.

— Ну, что теперь? — спросил он, набив мясом пасть.

— Теперь я присоединюсь к культу, — ответила Барбара. — Я слышала, что там милейшие люди.

* * *

Даже в обычной ситуации Барбаре было нелегко затеряться в толпе с такой-то гривой черных как смоль волос и ростом почти шесть футов (*ок. 180 см — прим. пер.*). Тот факт, что чаще всего она была одета с головы до пят в черную кожу или цветастые цыганские юбки тоже не способствовал незаметности. Но она предположила, что люди, которых привлекают мероприятия Джонатана Беллингвуда, одевались чуть более консервативно, и она остановила свой выбор на паре черных джинсов и белой блузе крестьянского стиля. Она заплела волосы в косу и надела туфли без каблуков вместо мотоциклетных ботинок. Это было максимально возможное «слияние с толпой», которого она могла достичь.

Около 75 человек собрались на мероприятие, разрекламированном в газете «Настройся на волну». Чтобы это не означало. Насколько она могла сказать, какой-то способ духовного развития. Все, что заботило Барбару — это представится ли ей возможность увидеть загадочного мужчину в действии и получить некое представление, применял он магию или нет.

Она надеялась, что доказательством будет присутствие Грейс, жены Ивана, но единственным человеком на сцене павильона местного парка был стройный блондин с волнистыми волосами и застенчивой улыбкой. Харизма Джонатана Беллингвуда стала ясна, как только он начал говорить: он полностью завладел толпой. Но насколько Барбара могла сказать, он был просто умен, красноречив, и знал толк в управлении эмоциями людей — ничего сверхъестественного.

Так называемый гуру немного поговорил об обычных вещах: пути к просветлению, совершенствованию себя, исцеляющей силе разума и всяком таком. Он ввел группу в глубокую управляемую медитацию, которая закончилась насыщением окружающего пространства вибрацией энергетического фона, и даже Барбара ощутила ее в своем теле как успокаивающий бальзам. На мгновение она почти начала думать, что Иван был просто втянут в неприятную тяжбу об опекунов. Неприятно, но ведь и не ее область специализации.

Но затем что-то изменилось. Совсем незаметно на первый взгляд. Завершив медитацию, Беллингвуд отправил в толпу несколько молодых девушек с корзинками для пожертвований. Ничего необычно не происходило (Барбара полагала, у него были соответствующие

разрешения), но потом, как только он заговорил о его благодарности за любое пожертвование, неважно, маленькое или большое, и как это замечательно — вносить вклад в работу, Барбара начала чувствовать, словно ее что-то тянет. Чувство было слабым, но настойчивым. Она даже почти потянулась за кошельком, несмотря на то, что не взяла его с собой.

Вокруг нее люди улыбаясь, складывали свои купюры в корзины. Маленькие дети искали в своих карманах монеты, а неопрятного вида бродяжка, просто отдохавшая на скамье, огляделась по сторонам, украдкой запустила грязную руку себе в декольте и вытащила рванный доллар.

Тихо зарывчав себе под нос, Барбара подошла и встала рядом с женщиной, не взирая на запах исходивший от ее одежды и пожитков. Барбара с несвойственной для нее нежностью положила руку на заскорузлый от грязи рукав бездомной.

— Держите лучше это при себе, — тихо произнесла Барбара. — Полагаю, вам это нужнее, чем ему.

Женщина моргнула, будто очнувшись ото сна, исподлобья взглянула на Барбару и быстрой рысцой, может быть, немного неуклюжей, отправилась восвояси, запихивая свою драгоценную купюру обратно в укромное место.

Барбара скрестила руки на груди, не столько, чтоб удержаться от жертвования (ибо как только она распознала «толчок» сверхъестественного, он более не имел на нее воздействия), сколько для того, чтобы подавить вполне логичный импульс остановить магический холодок и послать его обратно тому, кто использовал его для обретения власти над этими людьми. Посмотреть, что будет.

Она не хотела пока выдавать себя; до тех пор, пока не вычислит, как именно он это делает. Находясь так близко к Беллингвуду, она явно видела, что он Смертный. Ранее она думала, что мужчина, возможно, мог быть каким-нибудь сверхъестественным существом, использующим магию Иноземья, наплевав на запрет Королевы хранить инкогнито. Это была *плохая* идея — игнорировать указания Высшей Королевы Иноземья. Если, конечно, ты хочешь сохранить голову на плечах и пребывать в том же самом теле, в котором родился. Даже Бабы Яги с Королевой не связывались.

Если Джонатан Беллингвуд был Смертным, как ему удавалось воздействовать на всех этих людей? Барбара не могла найти никаких объяснений, но точно была уверена, что здесь что-то нечисто. И она была преисполнена решимости выяснить что именно, если это поможет ей, как она и обещала, вернуть Ивану дочерей.

Выглядело так, будто она собиралась войти в пасть чудовища — в саму коммуны. Да пропади все пропадом. И это означает, что ей придется быть милой с другими. *Не то* умение, которым она могла бы похвастаться даже в самый лучший момент своей жизни. Для них же лучше, чтоб там был шоколад.

* * *

Вернувшись в Эйрстрим, Барбара поведала Чуду-Юду то небольшое, что смогла обнаружить и каким будет ее следующий шаг. Ее напарник не очень-то этому обрадовался.

— Мне хотелось бы пойти с тобой, — ворчал он. — Ты же знаешь, как я ненавижу отсиживаться здесь, брошенный на произвол судьбы, пока ты там веселишься. Но я должен

остаться и охранять Живую и Мёртвую Воду.

Барбара похлопала его по белой голове.

— По крайней мере, ты сможешь наколдовать себе еду всякий раз, когда проголодаешься. С тобой намного проще, чем с обычной собакой. Снаружи-то ты у нас совсем обычный, сразу и не разберешься.

— Не обижай меня, — сказал Чудо-Юдо. — Но обязательно будь осторожна. Как бы то ни было, ты понятия не имеешь какие козыри припрятаны у этого парня в рукаве.

— Сейчас *ты* меня обижаешь, — немного уязвлено произнесла Барбара. — Я Баба Яга. Я пока не встречала Смертного, который мог бы меня обставить.

— Ну, знаешь ли, ты тоже родилась Смертной, — напомнил ей драконопёс. — Ты не непобедима.

— Правда, — согласилась Барбара. — Но я очень, очень эксцентрична. Это моя суперсила.

— Отлично подмечено, — промолвил Чудо-Юдо. — И так, к слову, мне кажется, твое зеркало вызывает.

Барбара схватила волшебное зеркало и села, быстро входя в состояние транса, доверив Чуду-Юду следить за обстановкой.

— Бека! — поприветствовала она. — Ты что-то узнала? Я собираюсь, если получится, поехать в это заведение, и было бы хорошо иметь еще какую-нибудь информацию, кроме обвинений скорбящего отца и смутных подозрений.

— Тогда я сейчас стану твоей новой самой любимой девочкой, — сообщила Бека из мерцающего зеркала с усмешкой. — Поскольку у меня есть для тебя несколько актуальных фактов.

— Ну, ты была моей давней самой любимой девочкой, — ответила Барбара. — Ну и Белла, конечно, тоже. Но если ты мне сейчас дашь что-нибудь конкретное, то обещаю привезти тебе бутылку вина, когда в следующий раз вернусь в Калифорнию.

— С той самой винодельни, которую ты спасла от нашествия Пикси (*небольшие мифические создания, считаются разновидностью эльфов или фей. Отличаются склонностью к мелким пакостям, но, в общем, довольно дружелюбны. — прим. пер.*), или что там у них было? Благодарные владельцы тебя все еще одаривают при случае? Это хорошая штука. И я думаю, что заработала две бутылки.

— О'кей, выкладывай. Что у тебя есть?

— Джон Белл, — слегка самодовольно произнесла Бека.

— Кто?

— Джон Белл, — повторила она. — Это тот, кем был твой Джонатан Беллингвуд несколько лет назад. Старина Джон Белл был обычным продавцом подержанных машин где-то в Санта Круз (*город в штате Калифорния, США — прим. пер.*). По всей видимости, он вел себя вполне прилично; его босс сказал, что парень мог убедить любую старушонку купить «Мазерати». Но что-то случилось после последнего крупного землетрясения здесь, у нас. Белл изменился.

— Как изменился? — спросила Барбара. — Он внезапно потерял способность продавать машины старушкам? — хихикнула она.

— Как раз-таки наоборот. Согласно словам его босса, он совершал сделки направо и налево. Проблема состояла в том, что половина людей, совершивших покупку, не могли себе позволить авто, которые он им продавал, некоторые из них возвращались и жаловались. Я

цитирую его босса: «Они не знали, что на них нашло».

— Хм, — задумалась Барбара. — Это уже интересно.

— О, да, — подхватила Бека. — В итоге он был уволен из дилерского центра и после этого неожиданно ударился в религию. Организовал какое-то Нью Эйдж псевдо-Викканское движение по поклонению Гайя (*Gaia — это Многомерный Дух Земли, энергия, составляющая суть планеты Земля. Гайя — разумная (сознательная) сущность; Гайя обладает врожденным разумом; следовательно, Гайя обладает разумным сознанием, которое «знает» обо всех нас — прим. пер.*) и возобновлению единения с природой. И это некоторое время пользовалось популярностью.

Барбара фыркнула. Единение с природой для Бабы Яги не являлось религией, это была обязанность.

— Ну и что пошло не так? Полагаю, он что-то натворил, раз переехал сюда и начал заново под другим именем.

Бека кивнула.

— Как я уже тебе говорила — кое-что мне показалось знакомым. Похоже, у Белла вошло в привычку собирать вокруг себя своего рода гарем. Не могу понять, почему женщины находят его неотразимым. Ясно, что они хотят встречаться с парнем. Но так его хотеть, чтоб при этом соглашаться делить его с другими женщинами? Мне не понять. Ну, конечно, я же не специалист по свиданиям. — она вздохнула. Видимо, проклятье Бабы Яги не щадило даже милых блондинок.

— Таким образом, его поклонницами в Санта Круз стали несовершеннолетние дочери влиятельных политиков и Белл привлек к себе нежелательное внимание. В итоге, он исчез, оставив после себя группу людей, которые, придя в себя, не могли понять, почему бросили свои размеренные жизни и вступили в секту, отдав при этом кучу денег.

— Хм. Интересно, — произнесла Барбара. — Звучит так, будто его влияние на людей работает, только пока он находится рядом.

— Ага, — кивнула Бека. — Я подумала, что он мог найти какой-нибудь таинственный мощный амулет, возможно, после землетрясения. Ты же знаешь, что время от времени подобная встряска может открыть вход в Иноземье и что-то выпустить.

— Или раскопать древнее захоронение какого-нибудь сверхъестественного существа, спрятавшего свои сокровища и забывшего о них, когда его вынудили вернуться жить обратно в Иноземье насовсем, — предположила Барбара, постукивая пальцем по подбородку. — Но определенно мистер Белл мог найти *что-то*, что ему не принадлежит.

— Если это так, то подозреваю, Королева захочет, чтобы ты вернула это обратно, — добавила Бека. — Ты же знаешь, как она реагирует, когда предметы из Иноземья попадают в руки Смертных.

Они обе непроизвольно вздрогнули.

— Черт, — с чувством выругалась Барбара. — Я не горю желанием превратиться в лебедя. Или жабу.

— Насколько я помню, последний раз было дерево, — услужливо подсказала Бека. — Но это было с кем-то, кто действительно вывел ее из себя.

— Напомни мне всеми силами не допустить подобного, — попросила Барбара. — Из меня получится жуткое дерево.

— Это точно, — подтвердила Бека. — Так что пойд и разберись с этим делом.

— Так, все, молчи., — предупредила Барбара.

— Тебе лучше *шелестеть* прямо сейчас, — захихикала Бека, и на звуках ее смеха, эхом прошедшему сквозь эфир, зеркало потемнело.

* * *

Джонатан Беллингвуд откинулся в кожаном рабочем кресле и удовлетворенно смотрел на пейзаж за окнами своего кабинета. Вид на его маленькую империю всегда согревал ему душу. Кто мог ожидать, что маленький Джонни Белл, от которого в возрасте шести лет отказалась мать-алкоголичка, и которого на многие годы бросили в систему усыновления, в итоге окажется здесь и будет владеть всем, на что только может упасть взор.

Не так, чтоб это было много — всего лишь ранчо и немного земли — но это было начало. И он прошел долгий путь от того времени, когда он был детдомовцем-изгоем без друзей и без денег. Отныне он был окружен людьми, которые обожали его; он создал семью, которой у него никогда не было, и теперь больше не будет одинок. Или беден.

Конечно, большим подспорьем было то, что теперь никто не мог сказать ему «нет». Он рано научился быть очаровательным, по большей части, для самозащиты, но теперь его природная убедительность была дополнительно усилена. Рука незаметно коснулась медальона, что он носил всегда, скрытого под рубашкой и касающегося кожи. Его странное тепло пульсировало, будто на его груди дремал дракон, пока еще неподвижный. Металл цвета бронзы становился еще горячее, когда он взывал к его силам, но временные неудобства стоили того, чтоб получить что (и кого) ему было угодно.

Когда он впервые набрел на эту штуку, он и понятия не имел, что это такое. Землетрясение случилось, когда он был в машине, припаркованной на редко посещаемой стоянке среди песчаного побережья. Он как раз трахал чью-то жену на заднем сидении своего «Кадиллака», когда начались толчки, и сперва принял эти движения за часть их «троеборья в постели». И пока вопли его подружки не достигли более высокого тона, чем обычно, он не осознал, что земля в буквальном смысле двигается.

После, пока дамочка некоторое время поправляла одежду и макияж, Джонатан спустился на пляж. Ему всегда нравилось смотреть на маленькие сокровища, которые выбрасывало на берег после шторма, и у него была небольшая коллекция стеклышек, монеток и всяких шукувин, которую он пополнял с тех пор, как был ребенком.

Волны были больше, чем обычно — вероятно, из-за землетрясения, а влажный песок хрустел под его ногами. Он нагнулся, чтобы перевернуть кусочек разбитой раковины, как вдруг морская пена вынесла к его тщательно начищенным итальянским мокасином неожиданный подарок — небольшой ларец размером с ладонь, сделанный из чего-то похожего на камень, но по весу совсем легкий. Когда он открыл его, внутри была только одна вещь: медальон цвета бронзы с непонятными символами или надписью по краям, висящий на потускневшей серебряной цепочке.

Вещь не выглядела дорогой, но по какой-то причине, когда его спутница, спотыкаясь, спустилась вниз с парковки, он спрятал медальон за спину, крепко стиснув его в руке.

— О, ради всего святого, ты перестанешь уже тут копать и отвезешь меня обратно в город? — потребовала она раздраженно. — Мне нужно попасть куда-нибудь, где ловит мобильник, чтоб выяснить, что с моей семьей и убедиться, что они в порядке.

— Пять минут назад ты о семье не беспокоилась. — заметил Джонатан. — Хватит ныть,

ладно?

На удивление, она замолчала. На пляже какое-то мгновение царила тишина и Джонатан ощутил тепло, исходящее от зажатого в руке ожерелья; это настолько удивило его, что он почти выронил вещь.

— Эй, ты что-то нашел? — спросила женщина. — Можно посмотреть?

Медальон нагрелся еще больше, и Джонатан пристально посмотрел на нее.

— Нет, — ответил он, — иди в машину и жди.

Пока он смотрел на ее округлый зад,двигающийся обратно наверх, Джон Белл осознал, что провидение послало ему подарок.

Сначала он пользовался им по мелочам, в основном, чтоб убедить мужчин покупать у него машины, а женщин — переспать с ним. Он быстро обнаружил, что вещьца работала наподобие гипноза. Она не могла заставить кого-то сделать нечто такое, что они никогда не стали бы делать. Если у мужчины не было намерения купить машину, он все так же не покупал ее. Если женщина не была увлечена, она все так же уходила прочь. Но если мужчина хотел машину, которая была ему не по средствам, внезапно Джонатан (или Джон, как его там все знали) мог склонить его раскошелиться еще на пару тысяч долларов. И если женщина находила его привлекательным... ну, тогда уж немного надо было усилий, чтоб убедить ее пуститься во все тяжкие.

К несчастью, его эксперименты обернулись против него, и ему пришлось покинуть город под покровом ночи, и отправиться в поисках места, где он мог начать все сначала. Судьба послала ему другой подарок, на этот раз в облике Моррисонов, милой пожилой пары из Иллиноиса, которых он встретил в ресторане зоны отдыха на автостраде, пока ехал сквозь страну. Они разговорились, поедая жирные гамбургеры — он, по большей части, слушал рассказ общительной пары о том, они были на встрече выпускников колледжа, и как все их старые друзья обзавелись детьми и внуками, и как печально, что у них самих никогда не было семьи. И теперь у них есть только огромный дом, а вся эта собственность — это же огромная ответственность для них именно сейчас, когда они стареют, но что они могут поделать?

К тому времени, как обед закончился, Джонатан убедил Моррисонов, что он будет им как сын, которого у них никогда не было, и он обещал создать семью, которую они все хотели иметь, и с настоящего времени обо всем заботиться. К моменту возвращения в ДеКалб, Моррисоны, лучась от счастья, переписали на него свою собственность, переехали в меньший по размеру домик управляющего, и Джонатан начал новый, улучшенный виток своей жизни.

И теперь, уставившись в окна, он удивлялся, как вообще жил без своего маленького сокровища. Все наконец-то шло как положено.

* * *

Раздался отрывистый стук, и Хьюго просунул голову в дверь. Он был одним из лучших сотрудников Джонатана — бывший боксер, который был счастлив, когда кто-нибудь ему говорил, что делать и кого защищать. Джонатану даже не приходилось использовать на нем медальон большую часть времени.

— Привет, босс, — произнес Хьюго. — Тут дамочка, она говорит, что видела твое

выступление в парке и хочет с тобой поговорить.

Казалось, он немного колебался, и Джонатан не мог понять почему — ведь именно так они набирали большинство своих новых приверженцев.

Джонатан выпрямился в кресле, ощутив вспышку волнения, возникающую каждый раз, когда очередная красивая женщина входила в его жизнь. У него их было уже достаточно, конечно, было и несколько фавориток, но тем не менее — нет ничего лучше нового завоевания. Особенно, если у нее водились деньги. Или есть ребенок, который будет смотреть на него с восторгом. И то, и другое, казалось, помогало ему заполнить пустоту в душе. Хотя бы на некоторое время.

— Ну пригласи же ее, проводи сюда, — сказал Джонатан. — Всем ищущим рады здесь.

— Э-э, о'кей, босс, — сказал Хьюго и сдвинулся в сторону, позволяя гостье войти в кабинет.

Причина замешательства Хьюго стала ясна, когда женщина вошла в помещение. Вероятно, она была красавицей... лет 40–50 назад. Ее спина была по-прежнему прямой, а ее блестящие седые волосы собраны в аккуратный пучок, но ее щеки были покрыты морщинами, а ее слегка затуманенный взгляд был направлен скорее в прошлое, чем в будущее. Джонатан подумал, что ей примерно от 75 до 95 лет. Но ее одежда была явно дорогой, а золотые кольца с крупными мерцающими камнями красовались почти на каждом пальце изящных рук, одна из которых возлежала на резной трости; рукоять ее была выполнена в виде дракона с рубиновыми глазами. Веская причина быть с ней любезным, по крайней мере пока.

— Добрый день, — пропел Джонатан, поднимаясь из-за стола и придвигая для женщины стул. — Миссис ...?

— Мисс, — поправила его гостья, изящно сев. Она говорила с небольшим акцентом. — Мисс Анна Волкова. Извините за визит без приглашения, но должна признаться, я была столь впечатлена Вашим выступлением, что действовала импульсивно.

Она одарила его небольшой скупой улыбкой, и сразу стало очевидно, что для нее этот поступок не был типичным.

— Для меня это большая честь, — произнес Джонатан, сев на стул рядом с ней, вместо того, чтоб вернуться на свое место. — И очень лестно, что вам понравилась моя маленькая речь, мисс Волкова.

— О, да, — сказала она, сев идеально прямо и аккуратно расположив трость у своих ног, обутых в практичные туфли. — Она была очень вдохновляющей. Как Вы можете догадываться, в моем возрасте все начинают задумываться о душе, а Ваше обсуждение духовного развития через служение действительно затронуло во мне какие-то струны.

Джонатан кивнул, ободряюще улыбаясь. Он предложил чай или кофе, но она сказала, что это может подождать. Мисс Волкова, несомненно, была женщиной, которая не тратила впустую ни времени, ни слов.

— Да, здесь на Ранчо Просветления мы всегда стараемся услужить друг другу, — сказал он.

— Не сомневаюсь, — сухо произнесла пожилая дама. Затем, прочистив горло, она продолжила более мягким голосом. — На самом деле, я мило побеседовала с одной из ваших юных леди, пока она ходила с корзинкой для пожертвований, и когда она сказала, что вы здесь как одна большая семья, это побудило меня встретиться с Вами.

Она выглядела слегка задумчивой и на мгновение ее плечи поникли, прежде чем она

вновь с усилием выпрямилась.

— У меня уже долгие годы нет родственников, — призналась мисс Волкова. — Я была поздним и единственным ребенком у своих родителей. Они умерли много лет назад, а замужем я никогда не была. После их смерти я ни в чем не нуждалась, и всегда боялась, что моих поклонников больше интересовало моё наследство, чем я сама.

Джонатан издал звуки, призванные выразить сочувствие, а его пульс подскочил от мысли, что столь состоятельная женщина присоединится к его пастве.

— У вас вообще нет семьи? — спросил он, утешительно погладив ее руку. — Как печально.

— У меня есть прекрасный пес, — пожилая дама слегка улыбнулась. — Он отличный компаньон.

— Да, но собака не заменит всей радости семьи, ведь так? — Он продолжал поглаживать ее руку.

— Нет, конечно же, нет. Полагаю, Вас не удивит, если я захочу присоединиться к общине, которую Вы здесь создали, — почти застенчиво произнесла она. — Если, конечно, Вы примете такую старую женщину как я. Я заметила, что большинство Ваших последователей достаточно молоды.

— О, да, — сказал Джонатан. — Мы всем здесь рады. Представляю, как дети будут счастливы обрести новую бабушку. — Он одарил ее своей лучшей очаровывающей улыбкой и погладил медальон под рубашкой. Тепло от него было сродни успокаивающему прикосновению любовницы. — Я уверен, Вам здесь понравится.

— Здесь есть дети? — удивилась мисс Волкова. — Как мило. Я очень люблю детей. Могу ли я осмотреть дом и, возможно, с кем-нибудь познакомиться? Что-то подсказывает мне, что мне здесь понравится.

Джонатан подавил чувство ликующего триумфа и встал, протянув свою руку старухе, чтобы помочь подняться со стула. Каким-то образом завиток набалдашника ее трости зацепился за его цепочку, вытащив медальон наружу. Прежде чем он смог его отцепить, морщинистая рука обхватила плоский металлический кружок.

— Какой интересный, — произнесла мисс Волкова, рассматривая предмет поверх бифокальных очков. — Выглядит столь же древним, как я. — Она выдала кудахчущий смешок. — Это какая-то фамильная ценность?

Джонатан не мог сообразить, как заставить ее отпустить медальон без риска сломать один из ее хрупких пальцев.

— Мм, нет, это... э-э... просто вещица на удачу, как говорится.

— Хм, — пробормотала она, наклоняясь так близко, что он мог чувствовать ее парфюм с запахом розы. — Интересно, на каком языке эта надпись. Вы знаете?

К его облегчению, она, наконец, выпустила медальон, и он поспешно спрятал его обратно под рубашку.

— Нет, не знаю, — ответил он, смахнув крошечную каплю пота. Ему не нравилось, что кто-то еще трогает его сокровище. — Я всегда предполагал, что это просто для красоты. — Он протянул руку. — Теперь мы можем отправиться на экскурсию?

— Безусловно. Давайте посмотрим, что тут у вас интересного.

Джонатан провел мисс Волкову по огромному дому, отдельное внимание уделив одной из пустых спален, что была более роскошна, чем остальные и была отведена на случай особых гостей, которых он хотел впечатлить. В конце концов, они закончили экскурсию внизу, в огромном заднем дворе, который был разделе между большим огородом (правильно, зачем покупать овощи, если твои собственные люди могут их тебе вырастить) и детской игровой площадкой. Примерно полдюжины (*шестеро* — прим. пер.) фигурок резвились на снаряде «джунгли» и в песочнице, а еще парочка угрюмо сидела на качелях.

— Пресвятые угодники! — воскликнула старушка. — Все эти дети Ваши? — Ее слезящиеся глаза широко распахнулись.

Джонатан хихикнул, потрепав мимоходом одного из детей по волосам.

— Теперь да. Их матери живут здесь, а их биологическим отцам нет до них никакого дела. Печально, но я не могу иметь детей — тяжело переболел свинкой в подростковом возрасте, но я люблю всех этих деток как своих родных, поэтому все складывается как нельзя лучше.

Медальон нагрелся еще сильнее, добавляя знакомое ощущение ожога в месте уже имеющегося шрама.

— Все, чего им не хватает — это бабушки, которая пекла бы им печенье.

Мисс Волкова окинула его презрительным взглядом.

— Мистер Беллингвуд, я не занимаюсь выпечкой!

— А, ну да, конечно, нет, — он быстро отступился. Очевидно, пользы от старушки тут не будет. Но если она была настолько богата — и одинока — насколько выглядела, он, так и быть, сможет с этим смириться на то небольшое время, что ей оставалось. И когда оно истечет, кому она оставит свои деньги, какому-то мелкому твякающему псу? Или своей новой любящей семье, возглавляемой Джонатоном Беллингвудом.

— Те двое детей не выглядят счастливыми, — она настораживающе быстро направилась в сторону качелей, постукивая тростью. Джонатан попытался ее обогнать, почти перейдя на бег, но она успела туда раньше него.

Две малышки, трех и пяти лет (как ему думалось), сидели на качелях без движения, стиснув цепи пухленькими кулачками и тихо переговариваясь. Младшая плакала, Джонатан это видел. Он вздохнул. По некоторым причинам, на детей медальон тоже не действовал. Возможно, это зависело от того, что маленькие дети не могут долго думать об одном и том же, а значит, и сосредоточиться на отдаваемых им командах. Большинство детей постепенно приспособлялось, но эти двое были тут уже шесть месяцев, и имели большую сопротивляемость, чем другие. Конечно, факт того, что их мать забыла о том, что они здесь, тоже не способствовал адаптации. Она была очень соблазнительной, поэтому он занимал её другими вещами.

— Здравствуйте, дети, — сказала мисс Волкова, напомнив этими словами Мэри Поппинс, говорящую с легким намеком на русский акцент. — Ну-ка, ну-ка, а что у нас тут случилось?

Младшенькая провела грязной рукой под носом и Джонатан поморщился. Дети — это чудесно и все такое, но они такие замарашки.

— Я скучаю по своему папочке, — прошептала она. — Я хочу домой.

Джонатан откашлялся и натянуто улыбнулся. Последнее, в чем он нуждался — это чтобы какие-то малявки загубили тщательно созданный образ счастливой семейной жизни, когда он почти заключил сделку. Старушка уже была готова окончательно согласится.

— Ну, ну, мои милые, вы же знаете — ваш дом здесь и вам тут нравится. Смотрите, сюда идет ваша мамочка, — он развернулся, сверля взглядом Грейс, сидящую на соседней скамейке, пока она не отложила книгу и не подошла вытереть слезы Елене мятой тряпкой.

Положив одну руку на медальон, он опустился на колени перед двумя девочками.

— Ведь на самом деле, вы не хотите быть нигде, кроме этого места. Эй, это же самый лучший дом на всем белом свете. Даже лучше, чем Диснейленд.

Елена быстро моргнула.

— Лучше, чем Диснейленд, — повторила она.

— Здесь здорово, — согласилась Катя, улыбаясь своей сестре. — Можно, мы пойдем играть с другими детьми, мамочка?

— Конечно, можно, — ответила Грейс, отгоняя их и собственнически приобнимая Джонатана одной рукой за талию. — Это даст мне возможность больше времени провести с Джонатаном. — Она недвусмысленно качнула бедрами, прежде, чем его отпустить. — Разве ты не собираешься представить меня своей знакомой, Джонатан?

Он повернулся к старушке и на мгновение ему показалось, что он уловил выражение почти дикой ярости на ее лице, а в ее глазах, казалось, сверкали странные вспыхивающие искры. Но, вероятно, это была просто игра света, поскольку, снова посмотрев на нее, он увидел просто безобидную старушку, которая мило улыбалась Грейс.

— Ваши девочки очаровательны, — произнесла мисс Волкова. — Вам очень повезло.

— Я очень счастливая женщина, — согласилась Грейс, застенчиво взглянув на Джонатана так, что он мгновенно возбудился.

Пора заканчивать с этой экскурсией и заняться кое-чем более приятным. Он был уверен, что медальон уже в любом случае сделал свое дело.

— Что ж, надеюсь, Вам у нас понравилось, — сказал он, поворачиваясь, чтобы проводить гостью обратно к фасаду дома. Он заметил, что та приехала на лимузине с шофером, что воодушевило его еще больше. Перед уходом он погладил Грейс по округлой попке и прошептал: — Это не займет много времени. Жди меня в моей комнате через несколько минут.

Она хихикнула и убежала, даже не взглянув на детей.

— Это было очень познавательно, — сказала пожилая дама. — Действительно познавательно.

— Прекрасно, — сказала Джонатан, помогая ей усесться на заднее сидение лимузина. — Так мне подготовить для Вас ту милую спальню, мисс Волкова? Зачем же ждать? Я надеюсь вскоре снова увидеть Вас здесь.

Она одарила его легкой плутоватой улыбкой.

— Не сомневайтесь, дорогой мой. Вы определенно можете на это рассчитывать.

* * *

Чудо-Юдо взглянул на вошедшую в Эйрстрим Барбару, все еще одетую в наряд «старушка идет в гости», но уже в своем собственном облике вплоть до угрюмого взгляда на длинноносом лице.

— Как все прошло? — спросил он, пригнувшись, когда один тувель пролетел над его головой и врезался в стену позади него. Второй последовал за первым, сопровождаемый

смачными ругательствами, в основном на русском. Образование, данное Бабе предшественницей, было очень разносторонним.

— Хм, — пробормотал он. — Вот оно что.

Он прошел к холодильнику, открыл одной лапой дверцу и осторожно вытащил зубами бутылку пива. Подождав, пока одежда перестанет летать по комнате, он вручил бутылку Барбаре.

— Спасибо, — проворчала она, опустилась на пол и отхлебнула глоток. — Мне так и хочется вымыть свой мозг с мылом.

Чудо-Юдо задумчиво смотрел на нее.

— Милое бельишко. Черное кружево тебе идет.

— Заткнись, — без особой злости произнесла она. — Если бы мне пришлось еще хоть минуту носить эти дурацкие шмотки, я бы взорвалась.

— Паршиво, — прокомментировал он, — и, как я понимаю, со всей нашей ситуацией тоже паршиво?

Пустая бутылка звякнула, когда она поставила ее на пол.

— Паршивее некуда. Большинство людей, которых я там встретила, выглядят просто безупречно счастливыми, но на сколько это связано с обстоятельствами, а на сколько с магическим талисманом нашего приятеля Джона, я не могу сказать.

Она встала и сгрэбла пару кожаных штанов и футболку с принтом, изображающим пару ног в полосатых носках. Надпись на футболке гласила: *«Все пошло прахом с тех пор, как они уронили домик на мою сестру»* (цитата из *«Волшебника страны Оз»* автор Лаймен Фрэнк Баум — прим. пер.).

Чудо-Юдо одобрительно кивнул, когда она вернулась и села на диван.

— То есть, он все-таки у него есть?

— Ты еще спрашиваешь, — сказала она, — мне удалось на его взглянуть, и лучшее, что я могу предположить — возможно, это нечто созданное Мерами (*меры или мерфолки, русалки — общее название фантастических подводных рас, имеющих тело человека с хвостом (или другим фрагментом) подводного животного вместо ног — прим. пер.*) или Шелки (*они же Сйлки — мифические существа из шотландского и ирландского фольклора (в Ирландии их называют роаны), морской народ, люди-тюлени — прим. пер.*). Их языки очень похожи, и я не могу точно сказать с первого взгляда, но происхождение этой вещицы точно не этого Мира.

— Ого, — удивился Чудо-Юдо, — Её Величество этому точно не обрадуется.

— Мне просто надо его вернуть, пока она не узнала, что один из волшебных предметов попал в руки Смертного и используется не по назначению, — пояснила Барбара. — Поверь мне, я не позволю Джону оставить талисман себе.

— Он злой? — спросил пес, жадно сверкнув большими карими глазами. — Если он злой, то я с радостью его для тебя съем!

Барбара хихикнула.

— Я смотрю, дружок, у тебя уже слюнки потекли. Но нет. Не думаю, что он злой. Просто жадный, эгоцентричный, и, может, немного несчастный. Если я тебе разрешу есть всех Смертных, которые подходят под это описание, ты растолстеешь.

— А я буду спортом заниматься, — предложил Чудо-Юдо, — и вообще, драконы не толстеют, у нас такой обмен веществ.

Она покачала головой.

— Хорошая попытка, но нет. Но то, что я не разрешаю тебе его съесть, не значит, что я позволю ему играть в свои игры с этим домом и промывать мозги куче последователей.

Уголки ее рта опустились.

— Особенно, когда в это втянуты дети...

— Ты нашла девчушек Ивана?

Гигантская лапа вытянулась и прихлопнула маленькую ящерку, забывшую, что она — часть ковра. Ящерка тоненько пискнула и превратилась обратно в узор на ткани.

— Нашла.

Барбара встала и прошла по комнатке.

— Вреда им не причинили, насколько я могу судить, но они несчастны. Они скучают по отцу, а их мать едва ли в курсе, что они вообще живы. Слишком занята заигрываниями с Джонатаном.

— Ах, заигрываниями? Это у них теперь так называется? — Чудо-Юдо пренебрежительно фыркнул, выпустив к потолку струйку дыма. — Ты думаешь, она под воздействием талисмана?

Барбара пожала плечами.

— Трудно сказать. Да мне вообще все равно. Дети заслуживают быть с отцом, а он — с ними. Не говоря уже, что я обещала, а слово Бабы Яги нерушимо. Можно повернуть вспять реку, сравнять с землей горы, но нарушить обещание Бабы Яги — никогда.

— Ты хочешь вернуться туда в образе самой себя или старушки? — спросил Чудо-Юдо. — И как ты собираешься заставить Джонатана отдать тебе медальон? Я абсолютно уверен, что он не отдаст его добровольно, а ты не рискнешь начинать заварушку, чтоб не ранить детей.

— За это я не переживаю, — Барбара выдала такой оскал, что испугался даже Чудо-Юдо. *«Хорошо, что тут нет Джонатана и он этого не видел»*, — подумал драконопёс. — Когда я буду готова забрать медальон, он сам ко мне придет. Но мне бы хотелось выяснить, как уничтожить его силу раз и навсегда. Мы не хотим, чтоб подобная вещь попала не в те руки.

Пес и женщина молча уставились друг на друга, одновременно представив себе могущественную Высшую Королеву Иноземья с магическим талисманом, заставляющим людей подчиняться ее желаниям. Разумеется, многие уже и так это делали, исходя из инстинкта самосохранения.

— Я тебя понял, — сказал Чудо-Юдо.

— Кроме того, — добавила Барбара, — у меня есть идея. Но мне надо прогуляться и поглядеть, найду ли я нечто, что сможет превратить этот медальон в кусок бесполезного красивого металла. И, пожалуй, выпустить пар, прежде, чем моя голова взорвется. Я слишком долго была среди Смертных. Они меня нервируют.

Чудо-Юдо закатил глаза.

— А знаешь, Баба, ты тоже когда-то была Смертной.

Она пожала плечами, направляясь к открытой двери гардероба, за которой мог оказаться или проход в Иноземье или забитый одеждой шкаф — это зависело от настроения самого гардероба или от умения правильно попросить.

— Это было давным-давно. А после всех этих лет употребления Живой и Мертвой Воды, даже если не принимать в расчет образ жизни именно Бабы Яги, у меня столько же общего со Смертными, сколько и у тебя.

Она открыла шкаф, вытянула оттуда пояс с мечом, который застегнула на стройной талии, и снова закрыла дверцу.

Чудо-Юдо приподнял лохматую бровь.

— Ты собираешься с кем-то драться?

— Я же сказала, что мне надо выпустить пар, — Барбара трижды постучала по гардеробу, и пропустила через его ручку магический импульс. Дверь со скрипом открылась, явив ей кучу кожаных штанов и несколько шелковых блузок. Она выругалась, захлопнула ее и попробовала еще раз. На этот раз пространство за дверцей было серым и туманным, а вдали мелькали случайные искорки, напоминающие светлячков. В трейлере эхом разнесся отдаленный рык, а в воздухе запахло весенними цветами.

— Так-то лучше, — пробормотала она, легонько пнув косяк мыском ботинка, — ты худшая дверь за всю историю их существования.

Повернувшись к Чуду-Юду, она сказала:

— Я подумала, может, тут где-нибудь поблизости Кощей, и он хочет поразмяться на мечах.

Драконопёс вздохнул и до нее донесся запах угля.

— Это теперь у вас так называется, да? — Он покачал могучей головой. — Слушай, я ничего не имею против Кощей. Для дракона он очень даже привлекательный парень. И я знаю, что он на протяжении веков был спутником всех Баб, и ты просто счастлива в тех редких случаях, когда он решает появиться. Но тебе не приходило в голову выбрать себе кого-нибудь немного более близкого по генетической структуре, а?

Барбара улыбнулась ему, но это не смогло скрыть грусть в ее глазах.

— Верно. Тут же у меня просто очередь стоит из женихов, которым нужна длинноносая сказочная сумасшедшая ведьма, да еще и намного более старая, чем на вид.

Чудо-Юдо бросил на нее невинный взгляд.

— Эй, ты не такая уж и сумасшедшая, — сказал он, не отрицая всех остальных качеств.

Ответом ему была захлопнутая дверь.

— Ну и вообще, — задумчиво пробурчал он, пока брел к дивану, чтобы при помощи магии выудить из-под него кость, которой там не было, — кто сказал, что быть сумасшедшей плохо?

* * *

Некоторое время Барбара провела, наслаждаясь обычными (точнее сказать — необычными) радостями Иноземья, но все же она не могла унять чувство беспокойства из-за проблемы Ивана, которое грызло ее, как Чудо-Юдо — кости. В итоге она сдалась и повернула обратно на тропинку, которой пришла.

Но как это принято в Иноземье, земля решила пошутить. Она направилась в одну сторону, посчитав направление правильным, но наткнулась на вайи десятифутовых (ок. 3 м. — прим. пер.) синих папоротников, преградивших путь. Барбара повернула в другую сторону — тропинка исчезла вовсе, сменившись лазурным водоемом, полным резвящихся н и м ф (в греческой мифологии многочисленные божества в образе юных дев, олицетворяющих силы и явления природы; считались покровительницами брака. Различали Н. источников, речных, морских, горных, лесных и проч. — прим. пер.), которые весело

помахали ей, когда она проходила мимо.

— Да брось ты? — пробормотала она себе под нос. — Такое ощущение, что ты не хочешь отпускать меня домой.

Слева от нее в воздухе ярко вспыхнул Феникс, оставляя за собой след среди обгоревших цветов. «*Не всякому Иноземье в помощь, иным и в немощь*», — подумала про себя Барбара, шагнув на появившуюся из ниоткуда едва заметную тропинку. Ну и ладно. Она тоже не льком шита, грех жаловаться. Она настолько глубоко задумалась о деле Беллингвуда, что волшебный мир заметил это и направил ее... куда-то. Оставалось надеяться, что это не окажется краем утеса.

В конце тропинки она обнаружила мерцающий туман, такой же, как тот, через который она прошла из Эйрстрима в Иноземье. На мгновение она растерялась, подумав, что просто вернулась домой другим путем. Но когда она протянула руку в перемещающий туман и коснулась двери за ним, та оказалась слегка шершавее, чем ее, а дверная ручка была круглой, а не квадратной.

— Эй! — произнесла она, обращаясь ни к кому и ни к чему конкретно. — Это же не мой дом!!

Или все-таки..?

Пожав плечами, она протянула руку и бодро постучала в дверь. Через секунду дверь открылась, и показалось красивое, но удивленное лицо, с гривой рыжих курчавых волос, собранных в свободный пучок. Несколько веснушек украшали нос, почти такой же аристократический, как у нее, а полные губы были приоткрыты в изумлении.

— Барбара, — удивление Беллы сменилось радостью, когда она узнала свою гостью. — Что ты здесь делаешь? Входи же.

Барбара шагнула внутрь в жилище, даже меньшее, чем ее собственное. В отличие от ее вполне современного Эйрстрима, ее сестра-Баба жила в улучшенной версии цыганской кибитки — компактной и уютной, почти полностью деревянной, как и волшебная избушка, где Белла жила раньше; жилище очень подходило для ее путешествий через малонаселенные территории страны. Ее образ жизни был самым традиционным из трех американских Баб Яг — Белла, как правило, держалась особняком. Не то, чтоб она не любила людей, просто деревья и животных она любила намного больше.

— Извини за внезапное вторжение, — сказал Барбара. — Я бродила по Иноземью и оно, видимо, решило, что ты сможешь мне помочь с делом, над которым я сейчас работаю. — Она одарила свою коллегу Ягу кривой улыбкой. — Правда, не знаю, как.

Белла приподняла бровь.

— Хм. Ну, поведай мне о своих заботах, и мы посмотрим, как тебе помочь. С годами я поняла, что не стоит недооценивать магию Иноземья. Клянусь, иногда мне кажется, что оно почти разумно.

Барбара фыркнула. Он росла, постоянно посещая Иноземье со своей наставницей, и вообще-то, Белла его точно недооценивала. Если оно полагало, что у нее есть ответы, которые искала Барбара, то были шансы, что они у Беллы есть.

Пока младшая Баба готовила чай на маленькой плите, Барбара поздоровалась с напарником Беллы. В отличие от Чудо-Юдо Барбары и спутника Беки, живущего с ней в переделанном школьном автобусе, дракон Беллы был женского пола и принимал форму огромной норвежской лесной кошки (*порода длинношерстных домашних кошек — прим. пер.*). Кашка, как ее называла Белла, весила примерно 40 фунтов (*ок. 18 кг — прим. пер.*), и

представляла собой гремучую смесь мышц, меха и специфического характера, а из-за своей рыже-коричневой шерсти, кисточек на ушах, могучих лап и некоего подобия гривы она была похожа больше на рысь, чем на домашнюю кошку. Разумеется, Чудо-Юдо тоже не выглядел все время ручным. По некоторым причинам.

— Привет, Кашка, — вежливо склонила голову Барбара, — рада тебя видеть!

Кашка потянулась, медленно поднимаясь с кровати, занимавшей заднюю часть кибитки, где и валялась, растянувшись, драконша. Она широко зевнула, подчеркнуто обнажив острые белые зубы.

— Привет, Баба Яга, — промурчала она, укладываясь обратно. Казалось бы, она вновь уснула, но маленькая полоска зелени, едва различимая под прикрытыми веками, выдавала ее интерес к неожиданной гостье.

Барбара сдержала смешок. Она всегда думала, что именно кошачье обличье как нельзя больше подходило Кашкиному надменному характеру. В противоположность ей, ее хозяйка была жизнерадостной и неунывающей, кроме тех моментов, когда она выходила из себя и воспаляла все кругом. Все три Бабы (хотя, конечно, и не кровные сестры, но связанные узами магии и предназначения) имели свои маленькие недостатки.

Обе Бабы Яги прихлебывали крепкий черный чай, а Барбара поведала историю Ивана, и что она сама уже успела выяснить после встречи с ним. Когда она закончила, Белла призадумалась, накручивая на палец прядь волос, пока не распустился весь пучок. Барбара молча поймала и подала ей палочку, державшую его. Палочка выглядела так, будто Белла, бродив по лесу, просто подобрала первое, что подошло для этой цели — впрочем, как и всегда.

— Не уверена, что ты сможешь что-то придумать по этому вопросу, до чего не додумалась я, — сказала Барбара. — Но готова принять любые предложения. — Она сощурила янтарные глаза, заметив подозрительно сверкающий взгляд серых очей Беллы. — У тебя что-то есть, да? Давай выкладывай.

Белла рассмеялась. Редко, когда она могла найти ответ на вопрос, поставивший более старшую Бабу в тупик; помимо всего прочего, ответ относился к области специализации другой Бабы Яги.

— Думаю, да, — на ее щеках появились ямочки. — но нам придется вернуться в Иноземье, чтобы подтвердить мое предположение. Растение, о котором я думаю, не растет в этом Мире.

Барбара удивленно покачала головой.

— Растение? Я чертов ботаник. Что это за растение, о котором знаешь *ты* и не знаю *я*?

— Ну, такое... в лесу растет, — ответила Белла, скользнув ногами в низкие, мягкие сапожки и накинув легкую куртку. — Я провожу в лесу по обе стороны этой двери больше времени, чем ты.

Она провела рукой по густому меху Кашки, на что та отозвалась глубоким, рокочущим мурлыканьем.

— Я ненадолго. Тебе оттуда что-нибудь принести? — Зеленый глаз молча открылся и закрылся.

— Я так полагаю, это «нет», — закатила глаза Барбара. — Пошли уже, сестрица. Покажи мне это чудо-растение, способное решить все мои проблемы.

— Ха, — сказал Белла. — Если нам повезет, то оно решит *одну* из них. Что до остальных — ты справишься сама.

Пребывая уже в гораздо лучшем настроении, Барбара переступила обратно через дверь шкафа, не обращая внимания на нечто крошечное и крылатое, которое, прежде чем вновь исчезнуть в клубящемся сером тумане, шумно гудело вокруг ее головы.

— Ты насвистываешь, — заметил Чудо-Юдо. — Должно быть, тебе полегчало. — Он указал мордой на фиолетовое щупальце, влажно скользящее через порог. — Привела домой друга?

Барбара сердито посмотрела в туман и не слишком-то ласково затолкала щупальце назад, используя кончик своего меча.

— В самом деле? — выкрикнула она — Ты действительно думал, что это была хорошая идея?

Щупальце быстро втянулось обратно, оставляя за собой след из слизи. Барбара надежно заперла дверь и щелкнула пальцами, чтобы убрать слизь. Она любила бывать в Иноземье, но кое-что в нем было определенно менее привлекательным, чем все остальное. Не все его обитатели были прекрасными остроухими эльфийками.

— Могу предположить, что твое настроение улучшилось, потому что тебе удалось найти Кощея, и вы немного поиграли и повеселились? — съязвил Чудо-Юдо.

— Вообще-то, его не было, — ответила Барбара, оставив его выпад без внимания. — Мне удалось немного посостязаться с парой придворных Королевы, которые были почти хороши. — Она коснулась небольшой прорехи на футболке. — Черт, эти парни такие шустрые.

Она снова открыла шкаф, чтобы убрать меч, а затем стала ходить по Эйрстриму, с гримаской на лице собирая всю одежду, которую разбросала перед уходом.

— Порядок наводишь? — уточнил Чудо-Юдо. — Или сжечь собираешься?

— Ни то, ни другое, — ответила она. — Я собираюсь снова это надеть.

— Ага! — воскликнул Чудо-Юдо. — Ты там не просто резвилась. Ты нашла на той стороне что-то полезное.

Барбара вытащила из кармана штанов горсть белых цветов. Они не представляли из себя ничего особенного — белые лепестки, бледно-желтые сердцевинки и рваные края зеленовато-голубых листьев. У них даже шипов не было.

— Вуаля!

Чудо-Юдо фыркнул на них с сомнением.

— Вуаля? Ты уверена? Они даже не пахнут.

— Они и не должны, — ответила Барбара. — Разве ты не знаешь, что это?

— Я дракон, а не ботаник, — негодуя гавкнул он.

— Точно, — подавила усмешку Барбара. Чудо-Юдо, как и большинство других бессмертных, ненавидел, когда кто-то моложе его знал что-то, чего не знал он. — Извини. Я не удивлена, что ты не узнал его; они довольно редки, и растут только в Иноземье. Это растение называют *Бич Мага*. Единственный цветок, способный нейтрализовать магические заклинания.

— Круто! — сказал Чудо-Юдо, но осмыслив сказанное, быстро попятился. — Погоди-ка, а ты не боишься, что они нейтрализует магическое заклинание, удерживающее Эйрстрим в нынешнем виде или меня в моем?

Она рассмеялась.

— Не паникуй. Они не действуют на естественную магию, на такую, что используем мы с тобой. Магия Баб Яг врожденная — их можно научить ее использовать, но все же она должна быть дана от рождения, так нас выбирают для работы. И вся магия, с которой работает Баба Яга, в том числе создание зачарованной избушки и затем превращение ее в зачарованный трейлер, основывается на ее собственной внутренней силе. То же самое с драконами. *Бич Мага* не имеет никакого влияния на этот вид магии.

— Тогда что в них хорошего? — поинтересовался Чудо-Юдо, нарочито возмущенно, пытаясь замаскировать свое недавнее беспокойство.

— Они названы *Бич Мага*, потому что нейтрализуют магию, которой пользуются волшебники, маги и колдуны. Все они черпают магию извне — через заклинания или амулеты. Многие из них учатся на протяжении всей своей жизни и могут быть очень могущественными, но все же их магия исходит не изнутри. *Бич Мага* нейтрализует эти заклинания, делая их бесполезными и мгновенно ликвидирует их последствия, отсюда и название.

— И ты полагаешь, что медальон Джонатана Беллингвуда был создан магами Шелки или Меров, и поэтому эти цветы смогут его нейтрализовать, — оскалил собачью пасть Чудо-Юдо, сверкая белыми зубами. — Превосходно.

— Могу предположить, что мистер Беллингвуд с тобой не согласится, — ухмыльнулась в ответ Барбара, вертя безобидно выглядящие цветы в сильных пальцах. — Особенно с учетом того, что цветы должны быть активированы с помощью крови применяющего магию.

— Мило, — Чудо-Юдо по-птичьи склонил голову набок, вопросительно посмотрев на Барбару. — Если эти штуки такие редкие, как ты узнала, где их найти?

Иноземье имело склонность постоянно меняться в мгновение ока. Только дворец Королевы и прилегающие в нему земли оставались неизменными, удерживаемые на месте ее могучей силой воли и ее правом долговременного правителя (наряду с Королем-консортом (*супруг правящей королевы, который сам не имеет никакой власти, не имеет статуса короля и не имеет права наследовать трон — это приоритет только их общих, совместно нажитых детей — прим. пер.*)).

— А это не я, — призналась Барбара, — Иноземье вывело меня к Белле, а она привела меня к цветам. Правда в том, что до сегодняшнего дня я никогда их не видела.

Она пожала плечами, выражая лицом нечто среднее между облегчением и самодовольством.

— Ты же знаешь, что такое Иноземье. Может и помочь, а может и по лбу дать. Мне просто повезло.

Чудо-Юдо покачал головой.

— Я думаю, Иноземье равнодушно к Бабам Ягам. Это не везение — это результат всех тех лет, пока твои предшественницы в нужном сочетании то подлизывались к нему, то периодически запугивали.

— Ну, что бы это ни было, я нашла, что искала и мне этого достаточно.

Пока они разговаривали, Барбара переделалась обратно в одежду старушки, пришивив слегка увядший букетик цветов к сшитому на заказ жакету бриллиантовой булавкой, которую она одолжила у одной из фрейлин королевского двора. Драгоценных камней там было в избытке, и они ценились только за свою сверкающую красоту. Придворные дамы были падки на все блестящее.

— Мне надо найти таксофон и позвонить Ивану. Потом, думается, я прикину, смогу ли внести изменения в приглашение к ужину на ранчо. Я подозреваю, что для моей задумки наиболее эффективно будет собрать всех в одной комнате.

Барбара хищно улыбнулась Чуду-Юду.

— Не жди меня. Я не знаю, сколько времени это займет.

Дверь за ней захлопнулась, а Чудо-Юдо с самодовольной ухмылкой взгромоздился на любимое кресло Барбары и сказал маленькой ящерице на ковре:

— Угадай, кто придет к нам на ужин?

* * *

Джонатан Беллингвуд встал с довольной улыбкой, приветствуя Барбару, когда она в сопровождении Хьюго вошла в большую столовую. По правую руку от него было свободное место, явно приготовленное для нее, а слева сидела обворожительная Грейс. За столом собралось около двадцати пяти взрослых, в основном, красивые молодые девушки, но присутствовало и несколько пар, в том числе и пожилых, расположившихся в конце длинного прямоугольного стола в рустикальном стиле (*рустикальный стиль — это грубо обтесанный камень, толстые доски, холстина, фаянс, минимум декора — прим. пер.*). За столом меньшего размера сидели десять детей, включая Елену и Катю.

Над столом висела резная люстра, явно новое приобретение, так как совершенно выбивалась из общего простенького интерьера, а потертые половицы закрывал дорогой турецкий ковер ручной работы. В камине даже в столь теплый летний вечер весело потрескивал огонек, придавая всей картине ощущение уюта.

Барбара почти расстроилась, что она скоро уничтожит все это. Почти.

В своей личине пожилой леди она величественно прошествовала к стулу, который вежливый хозяин уже держал наготове.

— Я так рад, что Вы решили присоединиться к нам за ужином, мисс Волкова, — сказал он. — Вы не нашли бы времени лучше, чтобы увидеть всех нас вместе, ту большую счастливую семью, что я Вам и обещал.

— Действительно, — произнесла Барбара, стараясь говорить тоньше и выше, чем обычно. — Я надеялась увидеть всех вместе.

Она держалась чопорно, пока Джонатан представлял ее окружающим. На заднем плане несколько женщин внесли сервировочные блюда, нагроможденные едой, и затем заняли свои места.

Как только они приступили к еде, Джонатан налил ей бокал красного вина и одарил своей лучшей очаровательной улыбкой профессионального торговца.

— Смею ли я надеяться, что этот ответный визит означает, что Вы рассматриваете возможность присоединиться к нам на более постоянной основе? — спросил он. — Я уверен, Вы были бы здесь очень счастливы.

Барбара издала неопределенный звук и подвинулась так, чтобы свет от люстры упал на драгоценные камни булавки на жакете, заставляя их блестеть еще ярче. Как она и ожидала, это вызвало ответный блеск в глазах Джонатана.

— Боже мой, — расширились его зрачки. — Какая милая булавка! Это настоящие бриллианты?

— О, да, — ответила Барбара дребезжащим голосом. — Мой отец преподнес эту вещицу моей матери на их двадцатилетнюю годовщину. Хотите взглянуть поближе? — Она отколола украшение от жакета и протянула его мужчине, держась за букетик цветов.

— Какая прелесть! — воскликнула Грейс, наклонившись поближе. Она жадно смотрела на вещицу, вцепившись в руку Джонатана. — Если Вы присоединитесь к нам, мисс Волкова, может быть, Вы как-нибудь дадите мне ее поносить.

Барбара одарила ее молчаливой улыбкой.

— Вполне возможно. Но будьте осторожны. Булавка достаточно острая.

С этими словами она вытащила ее из пальцев Джонатана и воткнула острие в мякоть его большого пальца, цепко удерживая его на месте достаточно долго, чтоб вытащить медальон из-под его рубашки. Держа цветы в другой руке, она плотно прижимала их к центру талисмана, пока они не опали наземь потоком излохмаченных лепестков и пылицы.

— Ой, — беспечно произнесла она. — Мне очень жаль.

— Что, черт возьми, Вы делаете? — закричал на нее Джонатан, крепко сжимая медальон в раненой руке. — Вы с ума сошли? — Он ясно решил, что никакая сумма денег не стоила того, чтобы подвергаться нападению сумасшедшей женщины за его собственным столом. — Хьюго, выведи ее отсюда!

Хьюго начал подниматься, а Барбара просто смотрела на него.

— Правда, Хьюго? Что ты собираешься делать? Вышвырнешь старушку?

Придя в замешательство, Хьюго сел на место.

Джонатан заорал на него, брызгая слюной.

— Хьюго! Вставай! Делай, что я говорю! — Он спрятал медальон обратно за пазуху, не обращая внимания на бегущую по руке кровь, сильнее прижимая его к коже. — Хьюго, ты знаешь, что хочешь, чтобы эта женщина ушла. Заставь ее убраться отсюда!

Барбара усмехнулась.

— Боюсь, что Ваша маленькая игрушка работать не будет, мистер Беллингвуд. Или мне следует называть Вас мистер Белл?

В комнате люди недоуменно смотрели друг на друга, будто внезапно пришли в себя, и обнаружили, что находятся в неожиданном месте.

Она повысила голос, чтобы все могли ее слышать.

— Мне жаль сообщать вам, но вы все оказались жертвами мошенничества, — она протянула обманчиво хрупкую руку и вырвала кулон у державшего его мертвой хваткой Джонатана, порвав в процессе цепочку, и добавив к уже имеющейся у него ране красный рубец. Она подняла медальон, показывая его людям. — Эта маленькая безделушка имела свойство влиять на ваше сознание, заставляя делать то, что хотел этот человек, включая ваше желание отдать ему все сбережения.

Ропот прокатился по собравшимся за столом волной смеси гнева, недоумения и горя.

— Теперь вы свободны и вольны сделать свой собственный выбор, — Барбара продолжала, не обращая внимания на бормотание. — Оставайтесь, если хотите, или уходите. Но на этот раз все будет по вашей собственной воле.

Одна из привлекательных женщина за столом вздохнула и покорно пожала плечами.

— Черт, мужчины лгали мне всю мою жизнь. Но, по крайней мере, здесь хорошо кормят и не бьют. Я остаюсь.

Еще несколько человек, казалось, согласились, но большая часть группы не столь восторженно восприняла новость.

Пожилая пара в конце стола смотрела на Джонатана с ужасом и отвращением: мужчина в ярости, а женщина в слезах. Они задержались рядом с ним ровно столько, сколько потребовалось мужчине, чтоб сказать:

— Не могу поверить, что позволил тебе уговорить меня отписать тебе это ранчо. Дальше с тобой будет говорить уже наш адвокат. — Он обнял рукой рыдающую жену, и они ушли, понурившись.

Соблазнительная брюнетка с ярко-голубыми глазами оттолкнула свой стул от стола так сильно, что тот упал, подошла к Джонатану, и так ударила его по лицу, что на мгновение на его загорелой щеке остался отпечаток ее руки.

— Сукин ты сын. Я не могу поверить, что я ради тебя ушла от муж. Да, он скучный, но по крайней мере, он — хороший человек, и никогда не врал мне. Я надеюсь, что он примет меня обратно после того, как я с ним обошлась.

Она ушла, не оглядываясь, и выбежала в дверь, остановившись лишь для того, чтобы прихватить долговязого десятилетнего мальчика, сидящего за детским столом.

Один за другим большинство людей покинули комнату, кто-то молча, а кто-то высказав свои претензии. В итоге там остались только Джонатан, Грейс, Барбара и несколько человек, сидящих с ошарашенным видом.

Барбара подобрала булавку, вытерла ее о скатерть и аккуратно воткнула в лацкан. Медальон она положила в карман, несмотря на то, что он уже был неопасен. Подальше положишь — поближе возьмешь. Кроме того, Королева, без сомнения, захочет отследить его происхождение, дабы лично выразить свое неудовольствие тому, кто был столь беспечен и позволил вещи попасть в руки Смертного.

Пока она стояла, Джонатан оцепенело смотрел на нее, все еще держась за грудь, словно не мог поверить тому, что медальона там уже не было.

— Почему? — спросил он ее. — Почему Вы поступили так со мной? Все было идеально, пока Вы все не испортили. Почему? — Последнее слово прозвучало как стон.

Барбара посмотрела на него бесстрастно и равнодушно к его горю. Он причинил слишком много вреда стольким людям, чтобы она могла его пожалеть.

— По двум причинам, — ответила она, вытянув палец. — Первая — ты забрал то, что не принадлежит тебе, и ты злоупотребил силой медальона для собственной эгоистичной выгоды.

Второй палец присоединился к первому, и затем указал на выглядящих изумленными Елену и Катю, сидящих вместе за детским столом.

— И второе — ты украл у другого мужчины детей, и когда он не захотел отдать их без боя, ты использовал силу, чтобы разрушить его репутацию. Я бы не лезла в первое, но второе стало моим делом. Тебе следовало оставить Ивана Дмитриева в покое.

Грейс подскочила со своего места и оказалась лицом к лицу с Барбарой.

— Иван? Какое отношение к этому имеет Иван?

— Иван попросил меня о помощи, — ответила Барбара, — когда ты и твой приятель не оставили ему выбора. Вы обернули правосудие против него, поэтому он пришел ко мне искать справедливости.

— Вы что, частный детектив? — спросила Грейс, больше воинственно, чем испуганно. — Вы ничего не сможете сделать. Закон на моей стороне. Я их мать.

— Частный детектив... как это приземленно, фу... Ничего общего! — ответила Барбара с мрачным намеком на улыбку. — Я Баба Яга! И твои законы Смертных меня не касаются.

Она скинула с себя личину пожилой леди, ровно настолько, чтобы в ее глазах отразился ее истинный облик, и Грейс, побледнев, отступила на шаг.

Но когда Барбара подошла к маленькому столику, она уже вновь выглядела как добродушная старушка. Она протянула руки девочкам.

— Здравствуй, Катенька. Здравствуй, Леночка. Вы меня помните? Я друг вашего папы. Он прислал меня сюда забрать вас домой. Хотите домой к папе?

Катя колебалась, но Елена вложила свою ручонку в руку Барбары и доверчиво смотрела на нее своими круглыми карими глазенками.

— Да, пожалуйста, — сказала она. — Я скучаю по моему папочке.

Миг спустя Катя взяла Барбару и за другую руку, и они пошли по направлению к двери.

— Подождите! — завизжала Грейс и бросилась им наперерез. — Вы не можете вот так просто забрать моих детей.

Барбара приподняла седую бровь.

— Нет? Ты выкрала их у отца. Я просто возвращаю их ему.

— Но... но, я их мать, — заикалась Грейс. — Они останутся со мной.

— Прекрасно, — сказала Барбара, посмотрев Грейс в глаза. — У тебя есть выбор. Ты можешь пойти с нами и воспользоваться возможностью заключить перемирие со своим мужем. Или остаться с Джонатаном. Но ты должна выбрать только *один* вариант. Я готова допустить твою невиновность, полагая, что ты помогла Джонатану опорочить репутацию твоего мужа только потому, что находилась под его влиянием. Но если ты решишь добровольно остаться с этим мужчиной, который *это* сделал, то я позабочусь, чтобы ты никогда не увидела этих детей. — Ее лицо выражало уверенность, а тон был непоколебим. — Это твой выбор. Но ты должна выбрать сейчас, потому что мы уходим.

Грейс колебалась, ее взгляд метался от маленьких девочек, сжимающих руки Барбары к одиноко сидящему в конце стола красавцу, выглядящему подавленным и несчастным.

— Иван никогда не сможет убедить судью вернуть ему девочек, — в итоге произнесла она, свирепо глядя на Барбару. — Есть судебное решение. С тем же успехом Вы можете просто оставить их здесь, с нами.

Барбара покачала головой.

— Тут ты ошибаешься, Грейс. Вы, вероятно, сделали невозможным для Ивана и девочек вернуться к прежней жизни, но это не значит, что они не могут построить новые, еще лучше.

— Я не понимаю, — сказала Грейс.

— Для этого, моя дорогая, существует множество способов, — фыркнув, пояснила Барбара. — Иван происходит из русской общины, а они заботятся о своих. Он, Катя и Елена исчезнут в недрах этой общины под новыми именами и с новыми документами, а вскоре власти вообще позабудут о существовании Ивана Дмитриева.

Она махнула в сторону Джонатана.

— В отличие от ложной семьи этого человека, созданной из иллюзий, лжи и манипуляций, обширная семья Ивана реальна и искренна, и они его никогда не подведут. Ни один человек никогда не расскажет тебе, где они. Поэтому выбирай сейчас. Второго шанса не будет.

Грейс закусил губу, затем медленно попятилась от своих детей, встав рядом с Джонатаном и положив руку ему на плечо.

— Простите, девочки. Но Джонатан нуждается во мне. Он остался один. Я уверена, вы поймете меня, когда подрастете.

Барбара стиснула зубы, чтобы ругательства, вертевшиеся в ее голове, не вырвались наружу в эту комнату, где сидели дети. Она никогда не поймет Смертных. Ну, неважно. Она дала женщине выбор, и та его сделала. Время уходить.

Когда она вышла через открытую дверь, она увидела фургон Ивана, припаркованный именно там, где она велела. Как только он увидел девочек, он ринулся к ним сломя голову, и Барбара отпустила их руки, чтобы они тоже могли броситься ему навстречу. Он сгрэб их обеих, обнимая их так сильно, будто никогда уже не отпустит. Все трое плакали, и Барбара тоже почувствовала в уголках глаз подозрительную влагу, которую она незаметно от других смахнула рукой.

К тому времени, когда она подошла к более спокойному месту на тенистом шоссе, Иван уже пристегивал детей ремнями безопасности. Он резко развернулся на звук шагов, готовый защищать малышей до последнего, и смутился, увидев всего лишь Барбару. Она рассмеялась.

— Я же обещала тебе, что верну девочек, — произнесла она уже своим голосом. — И я это сделала.

— Баба Яга? — с сомнением спросил Иван. — Это Вы?

— И да, и нет, — ответила она. — Но в данный момент, скорее, да.

Иван опустился на одно колено, склонив голову.

— Я должен Вам больше, чем могу отплатить, Баба Яга. Вы вернули мне обратно мое сердце, мою жизнь, весь мой мир. Как я могу Вас отблагодарить?

— Для начала, ты можешь встать, — сказала она. — Твои дети, наверное, думают, что ты совсем глупый.

Хихиканье из грузовика подтвердило истинность этого заявления, и Барбаре пришлось прикрыть усмешку все еще морщинистой рукой. Несмотря ни на что, для таких торжественных моментов все же существовали свои правила.

— Ты пришел ко мне с *услугой*, которую тебе задолжали, и я тебе ее оказала, ты не согласен?

Он искренне кивнул. Его простое, пышущее здоровьем лицо сияло от радости.

— Вы дали мне все, что я попросил, Баба Яга. Я обязательно расскажу своей бабушке, что ее *услуга* была оказана. Могу ли я, все же, что-то сделать, чтобы отблагодарить Вас?

— Ты можешь забрать своих детей и наслаждаться жизнью, — ответила Барбара. — Люби и цени их каждый день. Это все, о чем я прошу. Боюсь, что из-за лжи твоей жены и магического влияния мистера Белла, вам, вероятно, придется начать все заново под новыми именами. Но я уверен, ты справишься. — она одарила его лукавым взглядом. — Я подозреваю, что твоя бабушка знает, к кому обратиться. Похоже, она знает всех достойных и нужных людей.

Счастье на лице Ивана на время сменилось беспокойством.

— Но что, если Грэйс решит отыскать нас? Я не хочу, чтобы дети были вынуждены всю жизнь провести в бегах. Это было бы просто несправедливо по отношению к ним.

Барбара покачала головой.

— Этого не произойдет. Начинается ваша новая жизнь, я обещаю тебе, Грейс не побеспокоит тебя снова. А Баба Яга никогда не нарушает свое обещание.

Иван благодарно улыбнулся и развернулся, чтобы пристегнуть Катю в кресле.

— Подожди, — окликнула Барбара. — Вообще-то, есть *одна* вещь, которую ты можешь для меня сделать.

— О! — Иван повернулся, выглядя слегка настороженно. — Какая?

Она улыбнулась.

— Когда будешь рассказывать детям сказки про Бабу Ягу холодными зимними вечерами, не мог бы ты упомянуть, что злая она ведьма или нет, часто зависит от того, кто рассказывает историю.

Помахав девочкам, она растворилась в темноте. А миг спустя они услышали рев мотоцикла, который помчался вниз по дороге, и затем воцарилась тишина.

* * *

Пару недель спустя, Барбара сидела у костра со своими сестрами Бабами Ягами. Она закончила читать курс своих лекций, и она возвращалась сквозь страну на свою обычную (хотя и по необходимости меняющуюся) преподавательскую должность в Беркли (*общественный исследовательский университет США, расположенный в Беркли, штат Калифорния — прим. пер*), и все три Бабы воспользовались редким затишьем, чтобы собраться вместе на один вечер. Ее сестры прошли через Иноземье, воспользовавшись дверями, скрытыми в своих домах, что было намного быстрее и проще, чем пытаться встретиться более традиционными способами.

Бека подняла свой стакан вина в торжественном жесте, когда Барбара закончила рассказ о своих недавних приключениях.

— Я люблю, когда побеждают хорошие парни, — сказала она, — хотя, я должна признать, что мне немного жаль приверженцев Джонатана.

Барбара резко повернулась к ней, почти расплескав свой напиток.

— Что? Почему??

Миловидная блондинка окинула присутствующих задумчивым взглядом.

— Мы все знаем, что такое расти без семьи, — тихо произнесла она, — без родителей, без братьев и сестер, и рядом только старая ведьма, забывшая про свою человечность, чтобы воспитать нас в максимальном отдалении от мира нормальных людей. Я просто говорю, что понимаю, как кто-то может настолько хотеть семью, чтобы пойти на такие вот поступки, чтобы создать ее.

— Какое, к лешему, понимание, — возмутилась Белла, — я считаю, что Барбара была слишком мягкой с ним. Он играл сознанием людей, и делал все, что заблагорассудится, лишь бы получить желаемое. Лично я бы просто позволила Чуду-Юду его съесть, да и делу конец.

Все засмеялись, потому что уже привыкли взрывному характеру Беллы, который был настолько же необузданным, как и копна ее рыжих кудрей.

Чудо-Юдо фыркнул со своего места рядом с Барбарой.

— И не говори, сестра, — он взглянул на свою напарницу настолько жалобно, насколько это мог сделать двухсотфунтовый (*ок. 91 кг. — прим. пер*) питбуль, и добавил, — и знаешь, если бы кто-то захотел утешить меня по этому поводу, то мог бы дать мне что-нибудь вкусненькое. Это я так, к слову.

Барбара закатила глаза, но надела на палочку еще пару кусочков маршмэллоу (*аналог пастилы, зефироподобные конфеты, иногда ошибочно называемые зефиром. Однако, рецептура у них совсем другая. При обжаривании на огне увеличиваются в размере и становятся более воздушными — прим. пер.*) и придвинулась к костру настолько, чтобы держать их над огнем.

— Я поняла, что ты имеешь в виду, Бека, — она одарила самую младшую Бабу Ягу одной из своих нечастых улыбок, — мы упустили большую часть так называемой нормальной жизни, став Бабами Ягами, но никто из нас не выбрал бы другую судьбу, да?

Бека пожала плечами.

— Думаю, нет.

— Кроме того, — сказала Белла, вновь возвращаясь к своей жизнерадостной манере, — у нас *есть* семья — у нас же есть мы все.

Они подняли тост, как вдруг Барбара услышала отдаленный колокольный звон, будто где-то звонила церковь. Он нарастал, поразив ее настолько, что она выронила свою палочку с маршмэллоу в огонь, где кусочки превратились в лужицы сиропа.

— Эй!! — негодуя воспротестовал Чудо-Юдо. — Моя вкусняшка!!

— Кто-нибудь из вас слышал это? — спросила Барбара.

Она медленно обернулась, глядя вокруг остекленевшими глазами и прислушиваясь к отдаленному зову.

— Ой-ой, — Белла покорно поставила стакан, — вечеринка окончена. Я узнаю этот взгляд.

— Она слышит Зов, да? — сказала Бека. — Барбара, ты в порядке?

— А-га..., — потерянно ответила Барбара.

— Черт, — сказал Чудо-Юдо. — Я думаю, это значит, что мы не возвращаемся в Калифорнию. Пойду за картой.

Он тяжело поднялся со вздохом вечно угнетенного пса, который вынужден за всё и вся нести ответственность на своих собачьих плечах, и на минуту исчез в Эйрстриме. Обрато он вернулся, неся в зубах большую, слегка обслюнявленную, карту Соединенных Штатов.

Бека и Белла обменялись сочувствующими взглядами. Задания Бабы Яги могли найти ее разными способами. Иногда, как в случае с Иваном, Баба «случайно» оказалась в нужном месте и в нужное время, или иногда людей словно притягивало к ней, когда она прибывала на место, неважно, какое. Мироздание просто действовало именно так, по крайней мере, тогда, когда в деле была замешана Баба Яга.

Но каждый раз, когда возникало что-то масштабное, Баба слышала Зов, нечто вроде подсознательного ментального толчка в направлении того, что требовало ее особого внимания. Слышала его только Баба, которой он был адресован, и игнорировать его было невозможно. Когда тебя звали — ты шла. Все очень просто.

Чудо-Юдо выплюнул карту на землю к ногам Барбары и обе другие женщины обошли вокруг костра, чтоб заглянуть ей через плечо, когда она встала на колени и вытянула руки над картой, медленно двигая по ней указательным пальцем как стрелкой компаса. Она закрыла глаза, чтоб лучше сконцентрироваться на внутреннем голосе, и когда открыла их, сразу уставилась туда, куда показывал ее палец.

— Ну и *где*, леший подери, это место? — грустно протянул Чудо-Юдо, — выглядит как у черта на куличиках.

— Это где-то в северной части штата Нью-Йорк, — Белла с интересом уставилась на эту часть карты. — Я предполагаю, что тебе надо туда поближе подобраться, прежде, чем ты поймешь, что Зов изначально исходил из маленького городка Поданк.

— Хм, — сказала Бека, — я не слышала ни о каких крупных природных катастрофах или чем-то подобном в недавнее время, а вы? Я имею в виду, ничего сродни возрастанию активности торнадо или чего-то вроде того, что требовало бы для устранения вмешательства

Бабы Яги.

— И я не слышала, — согласилась Белла, — Барбара?

Барбара не ответила, ощутив, как ее сжимает странное щемящее чувство, которого раньше она никогда не испытывала.

— Барбара! — резко сказала Белла. — Что это??

— Я не знаю точно, — промолвила Барбара. Даже для нее самой ее голос звучал призрачно и будто издалека. — Он не похож ни на один Зов, что у меня были раньше. Он... другой. Сильнее. Будто я слышу Судьбу, громко зовущую меня по имени, показывая мне путь, который изменит все.

— Изменит как? — спросила Бека.

— Я не знаю, — тихо сказала Барбара, — только знаю, что после всего этого ничего уже не будет, как прежде.

Больше книг на сайте - Knigolub.net